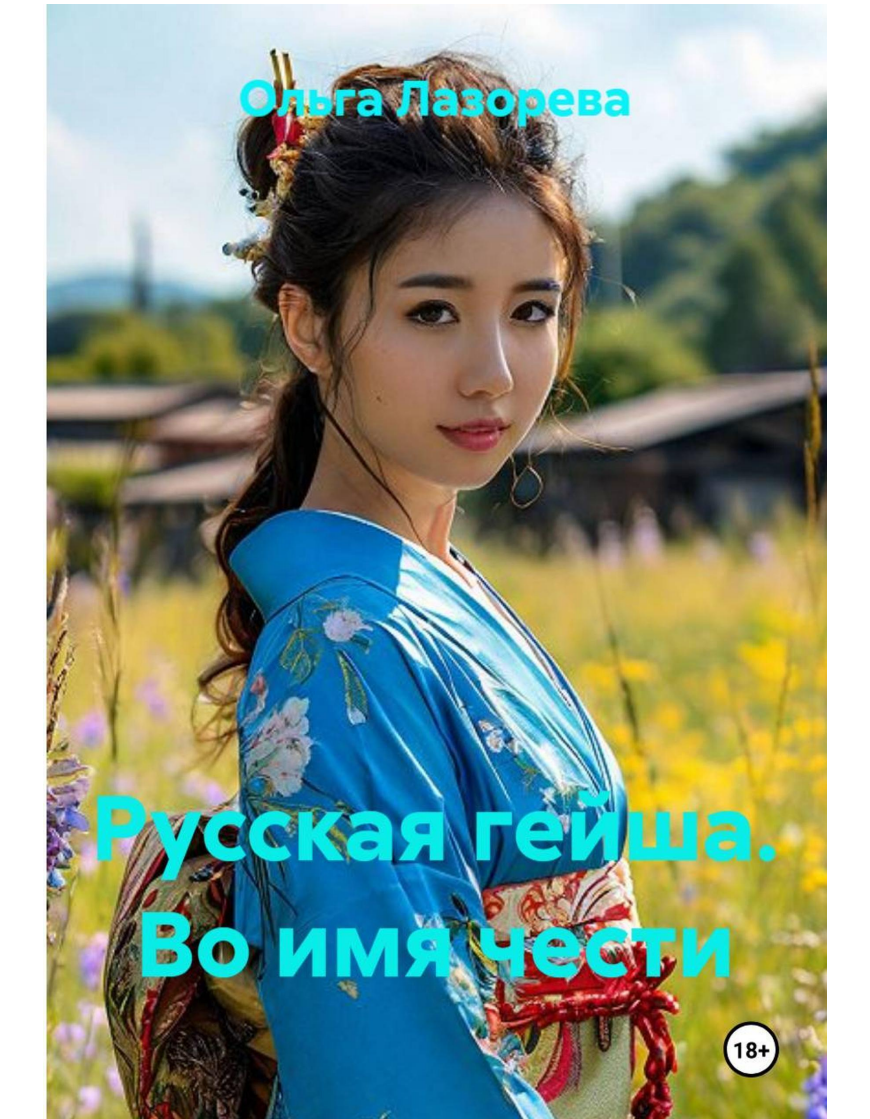

A woman with dark hair styled in a traditional Japanese fashion, wearing a vibrant blue kimono with a floral pattern. She is standing in a field of yellow and purple flowers, with a blurred background of green hills and a traditional building. The text "Ольга Лазорева" is overlaid in red at the top.

Ольга Лазорева

**Русская гейша.
Во имя чести**

18+

Ольга Лазорева

Русская гейша. Во имя чести

<https://litres.ru/74413868>

SelfPub; 2026

Аннотация

Таня Кадзи, пережив смерть любимого, вернулась из Токио в Москву и открыла агентство «Аямэ». Она занята обучением будущих гейш, выступлениями на вечеринках, встречами с состоятельными мужчинами. Но тревога не покидает ее. Смертельный враг Степан все еще на свободе, и это постоянная угроза ее жизни.

Да и физическое состояние девушки оставляет желать лучшего. После пребывания в рабстве Таня утратила эротическое обаяние ики, а без него карьере русской гейше может прийти конец.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

89

Ольга Лазорева

Русская гейша.

Во имя чести

Вступление

«Моя любимая принцесса, простишь ли ты когда-нибудь меня? Но другого выхода я не вижу. Небо зовет меня. Сегодня страшное подозрение о правильности содеянного и вообще о выбранном пути убивает меня. Я словно прозрел. И все, что говорил Учитель, увиделось мне в другом свете, далеко от истины. Не хочу больше! Не трогай мое тело и немедленно улетай обратно. Власти все сделают сами. Билет на самолет до Токио в кармашке сумки. А оттуда – домой, моя принцесса. Ты сильная, и помни, что любовь есть и на небе. Живи и прощай!»

Едва сдерживая слезы, я долго смотрела на эти строчки. Потом прижала измятый пожелтевший листок к груди и все-таки расплакалась. После смерти моего любимого прошло уже так много времени, но я все еще не могла забыть его. Наверное, поэтому я вновь возвращаюсь к своим записям. Хочется вспомнить события моей жизни и изложить их на бумаге.

Петр покончил с собой 21 марта 1995 года сразу же после

газовой атаки в токийском метро, к которой, я почти уверена, он был причастен. Он сделал себе харакири практически на моих глазах. Мой несчастный возлюбленный являлся монахом печально известной секты «Аум Синрикё». Я, восемнадцатилетняя и плохо разбирающаяся в жизни девчонка, находилась в тот момент рядом с ним. Мы тогда жили в Наха, столице Окинава. Приехали туда из Москвы за месяц до этих терактов. В Японию его вызвали якобы по работе. Петр был химиком, но после того, как он сказал, что трудится на закрытом оборонном предприятии, в подробности его работы я не вникала и больше вопросов не задавала. Мы всего несколько месяцев жили вместе. И я постоянно находилась в эйфории, так как была абсолютно и безусловно счастлива. И никого и ничего не видела вокруг, кроме моего любимого. Тяжело вспоминать все это. Спустя годы, мне кажется невероятным, что я смогла перенести его смерть.

Кроме этой записки, от Петра у меня остался сборник стихов японских поэтов и три записные книжки. Две были заполнены. А третья, с изображением красного дракона на черной обложке, была пуста. И я стала записывать в нее, по примеру Петра, цитаты, афоризмы, какие-то высказывания, казавшиеся мне интересными. Позже я купила общую тетрадь голубого цвета с цветами сакуры на обложке. И в нее также начала вносить записи. И неудивительно, что все они, за небольшим исключением, были так или иначе связаны с Японией. Ведь я, по прихоти своей странной судьбы, стала

гейшей.

Свиток первый. Поникая плоть плюща

В конце мая я взяла в школе месяц за свой счет и ушла в отпуск до конца лета. И все время решила посвятить работе в агентстве «Аямэ».

1 июня у нас было последнее выступление перед каникулами в актовом зале школы. Я немного волновалась, глядя на своих оживленных, веселых и проказливо настроенных учеников, радующихся окончанию учебного года. Мы подготовили четыре танца специально для этого вечера, но моих сольных номеров в программе не было. Когда за полчаса до начала концерта я еще раз проверяла наличие костюмов для каждого танца, в гримерную заглянул господин Ито.

- Вот ты где, Таня! – живо проговорил он, входя и улыбаясь.

- Здравствуйте, Ито-сан, - обрадованно произнесла я, с удовольствием оглядывая его кругленькую невысокую фигуру, пухлые блестящие щеки и узкие щелочки черных глаз.

Господин Ито всегда разительно напоминал мне колобка пятидесятилетней давности выпечки, и это вызывало невольную улыбку. Я отвернулась, чтобы скрыть ее, встряхнула ярко-фиолетовое платье, с подолом в виде лепестков сливы, и аккуратно повесила его на плечики. Потом, приняв умиротворенное выражение лица, повернулась к господину

Ито и извинилась за то, что не могу уделить ему время.

- Ничего, Таня, - еще шире заулыбался он. – Это я не во-
время. У тебя скоро выступления. Будут только твои воспи-
танники или ты порадуешь нас и своими собственными, все-
гда такими восхитительными номерами? – спросил он.

- Я решила больше не танцевать в одной программе с
детьми, - ответила я.

- Вот как, - тихо проговорил господин Ито. – Хотя я те-
бя понимаю. Ты же настоящий профессионал, а дети только
ученики.

- Вот именно, Ито-сан! Хорошо, что вы это понимаете. А
то меня все просят о выступлении, и даже Михаил Фелик-
сович!

- Ах, он старый грешководник! – захихикал господин Ито
и погрозил пальцем.

- Кто?! – рассмеялась я. – Вы, наверное, хотели сказать:
греховодник?

- Наверное, - подтвердил он. – Но я правильно употребил
это слово по смыслу?

- Думаю, не совсем, - с улыбкой ответила я. – Но вооб-
ще-то это вышедшее из обихода понятие, означает - распу-
щенный мужчина.

- О, нет! – испугался господин Ито. – Конечно, Миха-
ил-сан совсем не такой! Он – достойный господин. А рус-
ский язык по-прежнему для меня непостижимый.

- Ну что вы! – улыбнулась я. – Вы прекрасно говорите.

Если бы я могла так на японском!

- Зато ты отлично владеешь английским, - став серьезным, заметил господин Ито. – И вот что, Таня, я заглянул сюда, чтобы пригласить тебя на одну вечеринку. Вчера прилетел из Токио очень важный для меня деловой партнер...

Господин Ито замолчал, не договорив, и о чем-то задумался. Я ждала, не нарушая его размышлений.

- Понимаешь ли, - продолжил он, - мы, японцы, в отличие от вас, русских, очень осторожные люди. Не в обиду! – добавил он и погладил мое плечо. – И консервативные. Фирма для нас – вторая семья. Молодой человек, окончив институт, поступает на работу в какую-нибудь фирму и до конца дней он – член этого коллектива. И бывает так, что начиная работать в качестве хирасяин, то есть рядового сотрудника, он доходит по служебной лестнице до сятё, это президент фирмы. Большое это предприятие или маленькое – значения не имеет. Это все равно одна семья, в которой очень сильно развито... сю: дан исики. Как бы точнее перевести? Ближе по смыслу – групповое сознание. Сотрудники знают не только друг друга, но и родных своих коллег, их дни рождения, события их жизни. Они – малая, но неотъемлемая часть одного огромного организма. Понимаешь, так выгодней для бизнеса. Кто захочет навредить своей семье или уйти из нее? У нас такие традиции. И от этого такой технический прогресс. Крупные японские концерны не пострадали даже во время Второй мировой войны. Американцы пытались их расчле-

нить, но у них ничего не вышло. Существуют старейшие торговые дома еще со времен Токугавы¹, и им верны целые родовые династии.

- Да, это прекрасно, - сказала я, видя, что господин Ито вновь замолчал, и удивляясь его длинной речи.

Обычно он был менее многословен.

- Но это имеет и обратную сторону, - продолжил он. – При заключении контрактов с другими фирмами возникают определенные сложности чисто психологического характера. Как бы тебе проще объяснить? Это все равно как смотрины жениха и невесты. Две семьи приглядываются друг к другу и пытаются понять, чего ждать от противоположной стороны хорошего, а чего плохого. Поэтому наши переговоры всегда затягиваются. Представители долго и обстоятельно общаются, а потом делают выводы.

- Это закономерно, - сказала я.

- Я тебя утомил? – вдруг спохватился господин Ито и встревожено заглянул мне в глаза.

- Нет, конечно, - улыбнулась я. – Вам нужна моя помощь?

- На этой вечеринке, на которую я тебя приглашаю, будет господин Миура. И мне очень нужно произвести на него благоприятное впечатление. Ты же знаешь, как у нас высоко ценят общество гейш. И мне хотелось бы, чтобы ты появилась именно в этом качестве.

- С радостью, - ответила я, не понимая этого длинного

¹ Токугава – правящая династия Японии в период с 1600-го по 1868 г

вступления.

Я и до этого с удовольствием выступала на приемах господина Ито, соответственно одетая и загримированная.

- Если хотите, то можно взять моих девушек Сакуру и Идзуми, - предложила я.

- О! Вот это как раз абсолютно исключено, - быстро ответил господин Ито.

И меня такой неприкрытый отпор неприятно удивил. Я, чтобы скрыть замешательство, отвернулась и сделала вид, что очень занята одним из костюмов бабочки. Расправляя цветные шелковые крылья, я ждала продолжения, но господин Ито молчал.

Сакура и Идзуми, настоящие имена их были Нари и Майя, работали у меня в качестве гейш. Мы, правда, начали нашу деятельность недавно, чуть больше полугода назад, но девушки уже активно выступали, попутно проходя обучение. Основы искусства гейши давала им только я. И мне казалось, что все у нас замечательно получается. И отбоя от клиентов не было. В основном, нас приглашали на корпоративные вечеринки, частные семейные праздники, бывало, что и на фуршеты после деловых приемов. Я сама постоянно выступала вместе с девушками в качестве гейши Аямэ. Но нас просто не хватало на огромную столицу. И часто приходилось отказываться от очень выгодных предложений. Я искала новые кадры, но это было не так-то просто. Девушки приходили одна за другой, но почти все отсеивались уже в про-

цессе собеседования. А с несколькими, показавшимися мне на первый взгляд вполне перспективными, я рассталась после первых же уроков.

- Понимаешь ли, Таня..., - начал после паузы господин Ито.

И я с готовностью внимательно выслушать повернулась к нему, отложив в сторону шелковые крылья.

- Ты остановилась в своем развитии, - немного волнуясь, продолжил он. - Настоящая гейша учится ежедневно во время всей своей карьеры, это ты должна понимать. Я не знаю, кто тебя обучал в Токио, но это главное правило должны были внушить первым делом.

- Я брала уроки основных дисциплин у владелицы чайного дома госпожи Цутиды и участвовала в вечеринках с гейшами, - тихо проговорила я.

- Пойми, Таня, ты основала свое дело, и я хочу помочь советом. В любом случае профессионализм необходим, работаешь ты уборщицей женского туалета, президентом гигантской компании или гейшей в чайном доме. А профессионализм достигается только упорной непрерывной учебой и постоянной работой над своим мастерством. Согласна?

Я молча кивнула, но на душе стало тяжело. Никак не ожидала, что господин Ито будет критиковать меня. Я-то была уверена, что достигла каких-то вершин и мое дело будет идти только в гору.

Господин Ито, будто прочитав мои мысли, сказал:

- Если ты сейчас остановишься в развитии, то и твое дело встанет, а потом пойдет на спад. Это всем известный закон. Если нет движения – начинается застой. А твои девушки – это просто красивая стилизованная картинка, далекая от сути настоящих гейш.

- Но все в восторге, - попробовала я защититься.

- Допускаю, что для Москвы вы пока в диковинку, этакий лакомый кусочек экзотического блюда, - сказал с улыбкой господин Ито. – Но что будет дальше, когда вами пресытятся? Подумай об этом. И начинай работать.

- Я поняла, Ито-сан.

- И еще, Таня, - задумчиво добавил он, - что-то погасло внутри тебя. Уж не знаю, что произошло, но ты изменилась, и не в лучшую сторону.

Я вздохнула. Никто не знал, что год назад я оказалась в сексуальном рабстве, и воспоминания об эти кошмарных днях, несмотря на все усилия забыть, стереть из памяти этот эпизод моей жизни, все еще периодически мучили меня. И я все еще так и не могла заниматься любовью.

- Так что же с приглашением на вашу вечеринку, Ито-сан? Я вам больше не подхожу в качестве гейши? – спросила я и не смогла скрыть легкую обиду.

- Подходишь, Таня! На данный момент ты – единственная гейша в этом городе. Но тебе нужно начинать работу над собой, если ты хочешь стать настоящим профессионалом, - серьезно ответил он. Но тут же улыбнулся и добавил более

мягким тоном: - Я был резок и прям с тобой, будто ты мужчина. Позволь загладить свою вину и пригласить тебя сегодня после концерта в ресторан.

- Татьяна Андреевна, мы пришли переодеваться, - раздался тонкий голосок.

И в комнату заглянула одна из учениц «Нодзоми». Она немного смутилась, увидев господина Ито. Но тут же вежливо поздоровалась и сделала реверанс.

- Все, ухожу, - улыбнулся он. – Не буду вам мешать.

Концерт прошел замечательно. Из-за кулис я наблюдала за выступлением ребят и, не переставая, думала о словах господина Ито. Действительно, я совсем забросила собственную учебу и успокоилась, решив, что все знаю и все могу. А ведь госпожа Цутида говорила мне, и не один раз, что обучение не прекращается, и гейша должна постоянно быть на пике вдохновения, таланта и мастерства, постоянно учиться, не пренебрегая ничем и не упуская ни одной мелочи. Как внешний, так и внутренний облик должен быть всегда на высоте. И состояние души тогда будет соответствующее.

Из тетради лекций госпожи Цутиды:

Ученицы оставляют две полоски чистой кожи на задней стороне шеи, повторяющие линии роста волос, а три - для официальных случаев. Они пользуются шаблоном, чтобы полоски получились ровными.

Уголки глаз подводят красной линией. Изначально такая линия была призвана отвести неудачу от ее обладателя. На брови наносят слой красной краски, затем вычерчивают угольно-черным карандашом. Современные гейши используют жидкую подводку, щипцы для ресниц и тушь.

Ученица красит только нижнюю губу, оставляя верхнюю под слоем белил. Через год она красит уже обе губы. Традиционный вид предполагает маленькие красные губы, которые рисуются меньшего размера, чем настоящие.

Волосы ученицы в соответствии с одним из шести стилей все еще покрывают воском, гладят и пропитывают маслом, из-за этого они вынуждены спать на маленькой деревянной «подушке», поддерживающей только шею. Старшие гейши могут позволить себе разные прически, но с 50-х годов для полного облачения гейши всегда надевают парик.

Сейчас большую часть рабочего времени гейша не носит белого макияжа и длинного кимоно, которые стали их символом на Западе. Этот костюм используется только для официальных случаев. Обыкновенно они укладывают волосы в несложную прическу, используя шиньоны.

Когда я вышла из школы, было уже довольно поздно.

Но машина господина Ито стояла в переулке. Я, отчего-то немного волнуясь, быстро направилась к ней. Водитель тут же вышел и распахнул передо мной заднюю дверь.

- Спасибо, - тихо произнесла я, забираясь на сидение.

- Куда поедем? – непринужденно поинтересовался господин Ито и посмотрел на меня с явным вождением.

Наши отношения были только дружескими. Но он не раз предлагал мне перейти на другой уровень, и я мягко отказывалась. Господин Ито больше не настаивал, следуя своей японской сдержанности. Но по его взглядам я понимала, что надежду он не терял. И это напрягало, ведь я зависела от его хорошего расположения. Он помогал во всем, касающемся заказов для агентства и знакомств с нужными людьми. Но перебороть себя не могла и на интим не соглашалась, ссылаясь на то, что гейша сама выбирает, как ей себя вести и с кем сходиться более близко. И господин Ито соглашался.

- Мне все равно, - тихо ответила я, опуская ресницы.

- Может, ты устала и лучше отвезти тебя домой? – спохватился господин Ито и шумно вздохнул.

«Ну прямо пышущий жаром колобок», - почему-то пришло на ум забавное сравнение, и я не смогла сдержать улыбки.

- Так что? – тут же оживился он и развернулся ко мне всем своим кругленьким телом.

- Я бы выпила чашку чая, - тихо ответила я, продолжая улыбаться кончиками губ.

- Да, сейчас было бы идеально оказаться на тяною², - подхватил господин Ито.

Но по его заблестевшим глазам я поняла, что он мечтает совсем о другом.

- Ты бы все-таки подумала о том, чтобы использовать твою репетиционную для этого. А то такое прекрасное помещение зря пропадает, - неожиданно сказал он и вновь шумно вздохнул.

В моем офисе имелась большая комната, где я занималась с девушками. И господин Ито не раз предлагал оборудовать ее для проведения чайной церемонии.

- Возможно, вы правы, - согласилась я. – Но пока...

- Вот что, Таня, ты сама не знаешь, чего хочешь, - решительно произнес он. – Поэтому поедem ко мне.

Водитель тут же тронулся с места. Я усмехнулась, так как господин Ито жил в двух шагах от школы в огромной съемной квартире на Малой Ордынке. Туда мы вполне могли отправиться и пешком.

Когда мы вошли в темный коридор, я первым делом сняла туфли на высоких каблуках и босиком прошла в ванную. Буквально через минуту заглянул господин Ито и молча протянул мне шелковый, стального цвета халат с узором из зеленых листьев конопли.

- Предлагаю тебе переодеться для хорошего отдыха. Но извини, Танюша, верхнего женского кимоно в доме нет. У

² Тяною – чайная церемония

меня есть только дзюбан. Если хочешь, то надень.

Хочу пояснить, что одежда у японцев традиционно многослойная. Дзюбан – это нижнее женское кимоно, обычно в виде прямого узкого халата, и соответствует нижней рубашке.

Господин Ито ушел, а я задумалась. Переодеваться не входило в мои планы. Было уже очень поздно, я устала от волнения на концерте моих учеников, хотела быстрее уехать домой и лечь спать. Но в то же время мне очень не хотелось обижать господина Ито. Раз он пригласил меня домой, то хотел побыть в моем обществе. И я не могла отказать ему в этом.

Вздохнув, я сняла платье и белье. И тут только заметила, что в углу довольно большой ванной комнаты господин Ито пристроил фуру.

Фуру – это традиционная японская ванна, но она кажется нам непривычной, так как сделана в виде высокого чана. Внутри он обычно выложен керамической плиткой. В нем есть маленькая приступочка, на которой можно сидеть. Японцы любят находиться в таком чане в нестерпимо горячей воде. Когда в Токио я первый раз попробовала принять традиционную ванну, то не смогла вытерпеть и минуты, мне казалось, что я опустилась в кипяток. Но потом я попробовала еще раз и, посидев какое-то время, даже начала получать удовольствие, так как горячая вода странно расслабляла не только тело, но и психику. И после фуру я чувствовала

необычную и приятную легкость, как будто освободилась от какой-то тяжести.

В жилище господина Ито были смешаны различные стили. Его семья постоянно жила в Иокогаме, а он большую часть времени из-за бизнеса проводил в Москве. Сняв эту квартиру, господин Ито переделал только свою спальню, оставив ее в японских традициях. Но другие комнаты оставались европейскими по виду, в частности огромная гостиная, где он проводил свои приемы. Ванная также была европейской. В одном углу находилась ванна-джакузи, рядом располагалась душевая кабина. Мне очень нравился розовый в белых прожилках мрамор, которым была отделано помещение. И я с удовольствием любовалась своим отражением в огромном зеркале напротив душа. И вот господин Ито решил установить фуро. Видимо, без этой процедуры он обходиться уже не мог. Я глянула на высокий округлый чан, подумала с минуту, но все-таки забралась под душ. Косметику смывать не стала, только чуть подправила. Накинув дзюбан, остановилась в раздумье. Из ванной было два выхода, один – в спальню, другой в коридор. Я вышла в коридор и увидела, что господин Ито включил небольшие розовые бра, развешанные вдоль стен.

«Значит, он ждет меня в гостиной», - поняла я и улыбнулась с облегчением.

И действительно, господин Ито сидел на диване возле уже накрытого маленького овального столика. Возле него я

с изумлением заметила футляр сямисэна.

- Проходи, Таня, - чуть охрипшим голосом произнес господин Ито, окидывая меня жадным взглядом. – Ты прекрасна даже в дзюбан, - добавил он с улыбкой.

Я приблизилась и села рядом, машинально поправляя расползающиеся шелковые края.

- Я бы сказал... - господин Ито замолк и призадумался. Потом тихо добавил: - ...сибуй.

- А что это? – довольно равнодушно поинтересовалась я, услышав незнакомое слово.

Брови господина Ито слегка приподнялись.

- У тебя явные пробелы в образовании, - недовольно заметил он. – Это одно из понятий японской эстетики, - добавил он.

- Да? – заинтересовалась я. – Но я слышала только про ваби и саби. Ну и конечно - ики. Госпожа Цутида включила их в свои лекции.

- Так, так! – живо откликнулся господин Ито. – Если быть кратким, ваби – безыскусная простота, саби – изящество, лаконичная утонченность. А сибуй – это безупречный вкус, строгая простота. Но мне хотелось бы поговорить отдельно об ики, - добавил он и посмотрел на меня с ожиданием.

- Ики - это чувственность, тонкое эротическое обаяние, шик, элегантность. Это сексуальность без вульгарности! Правильно? – уточнила я.

- Да, это суть понятия ики. И как раз эту суть ты каким-то

непостижимым образом утратила. Ты сейчас именно воплощение сибуй. Как скажем, вот эта, прекрасной простоты, но очень большой цены пиала киёмидзу, - добавил он и взял со столика изящную чашку из тонкой керамики шоколадно-коричневого цвета. – Я могу лишь отстраненно любоваться этой вечной красотой, - сказал господин Ито. – Но ведь ты прекрасная, совсем еще юная девушка, и должна буквально излучать ики.

Господин Ито придвинулся ко мне и положил мягкую ладонь на мое колено. Я откинулась на спинку дивана и закрыла глаза.

«Может, я уже выздоровела? – мелькнула мысль. – И могу заниматься любовью? Позволить ему хотя бы легкие ласки?»

И чтобы проверить, решила не сопротивляться. Его рука медленно двигалась вверх, и вот ладонь легла на низ моего живота. Он начал нежно гладить волосы, пальцы скользнули ниже. Но мои мышцы мгновенно отреагировали и непроизвольно сжались в сильном и болезненном спазме, как это было постоянно в последнее время даже просто при мысли о сексе. Его пальцы тут же остановились. Я замерла, скрывая захлестнувшее меня отчаяние и стараясь не расплакаться. Господин Ито осторожно убрал руку. Я сидела тихо, не открывая глаз и пытаюсь расслабиться. И вдруг помимо моей воли перед внутренним взором появилось незнакомое мне, но очень мерзкое лицо мужчины с пьяными глазами и мокрым ртом, которое нависало надо мной. Я явственно почув-

ствовала резкие толчки нефритового стебля, и тут же конвульсивно сжалась от невыносимой боли, пронзившей мою внутренности. Я невольно закричала, и господин Ито с испугом отпрянул.

- Что с тобой, моя дорогая? – быстро спросил он. – Я сделал тебе больно?

- Извините, Ито-сан, - пробормотала я, пытаюсь изо всех сил взять себя в руки и не расплакаться. – Это нервное.

- Это ты извини меня, - тихо сказал он и встал.

Он быстро вышел из гостиной, а я налила себе чай из маленького керамического чайничка и судорожно глотнула, даже не почувствовав его вкус.

«Надо что-то с этим делать, - твердила я про себя, - надо что-то делать. Так больше продолжаться не может. Зря я тогда не обратилась к врачу».

Со времени моего освобождения прошел почти год, но мое состояние оставалось без изменений. Психику я смогла быстро привести в норму при помощи техник медитаций, но вот тело так и не восстановило нормальную реакцию и отторгало любое проникновение.

«Нужно поговорить с Лизой», - почему-то подумала я.

Лиза, моя ближайшая подруга и правая рука в агентстве «Аямэ», прошла через то же, что и я, если не хуже. Она попала в рабство случайно по собственной глупости и наивности. После освобождения Лиза намного больше, чем я, провела времени в реабилитационном отделении клиники. Но

у нее, как и у меня, появилась проблема. Мы почти не поднимали с ней эти темы, подсознательно стараясь как можно меньше ворошить прошлое.

«Завтра же поговорю с ней», - решила я.

В этот момент вернулся господин Ито. Он, как я видела, полностью успокоился и ласково мне улыбался. Сев рядом, внимательно посмотрел мне в глаза. Я видела, что его просто распирает от желания задать волнующий его вопрос. Но пресловутая японская сдержанность взяла свое.

- Мне доставили новый инструмент для тебя, Таня, - после паузы сказал он. – Попробуешь?

Я облегченно улыбнулась и взяла футляр. Открыв его, достала части сямисэна и соединила их. Этот инструмент, что-то типа японской национальной лютни, был неизменным атрибутом выступлений гейши вот уже на протяжении многих веков. Обучение игре на нем входило в обязательную программу образования.

«А ведь я давно не разучивала новых мелодий, - подумала я, старательно настраивая сямисэн. – Господин Ито абсолютно прав. Я стою на месте. Но у меня совсем нет времени», - попробовала я себя оправдать.

Заиграв нежную переливчатую мелодию «Сливы в весеннем цвету», я медленно повернулась лицом к сидящему на диване господину Ито и постаралась максимально отдалиться музыке. Новый сямисэн оказался отличным инструментом, и я все больше поддавалась очарованию его журчащего,

словно быстрый ручеек, звучания. Завершив исполнение, я привычно поклонилась и аккуратно убрала его в футляр.

- Спасибо, дорогая, - тихо произнес господин Ито после паузы. – Я получил истинное наслаждение. Ты, несомненно, очень талантлива. Я заказал этот инструмент лично для тебя, и его вчера доставили из Токио.

- Вы необычайно добры ко мне, Ито-сан, - тихо сказала я. – Понимаете, хочу объяснить..., - после паузы начала я и замолчала.

Рассказывать ему о пережитом кошмаре оказалось выше моих сил.

- Ты можешь ничего не говорить, - подождав, сказал он. – Я понимаю, что у тебя возникли какие-то чисто психологические проблемы в отношениях со мной. Но, по-моему, я ничем и никогда не обижал тебя, - добавил он немного грустно. – Мы же просто хорошие друзья.

- Это не зависит от вас, - тихо призналась я. – Мое состояние длится уже почти год. Кое-какие ужасные события произошли прошлым летом. Я не могу об этом рассказывать.... Ито-сан, я случайно попала в одно жуткое место и там подверглась насилию. И только поэтому я никак не могу прийти в себя. И даже лишилась ики, как вы успели заметить. Мне не хотелось бы, чтобы кто-нибудь знал об этом, - добавила я, не выдержала и всхлипнула.

- Конечно, конечно, дорогая. Вот, значит, в чем дело! А я-то никак не мог понять, – быстро сказал господин Ито и

вскочил.

Он стремительно засеменял по огромной гостиной, разительно напоминая катящегося колобка. И я невольно улыбнулась сквозь слезы.

- А что врачи говорят? – спросил он, останавливаясь на против меня. – Прости, если лезу не в свое дело!

- Именно с этим вопросом я так и не обратилась к нужному специалисту, - призналась я. – Все еще не могу вспомнить....

- Хорошо, хорошо, моя дорогая! – быстро сказал он. – И не надо. Время все лечит. А может, Татьяна, тебе стоит просто сменить обстановку и куда-нибудь уехать? – предположил он. – Хочешь в Токио?

Я вздрогнула от радости. Поездка в Японию представлялась мне очень заманчивой.

- К тому же встретишься со своей знакомой. И, может, она согласится прочитать тебе еще несколько лекций. Как ее зовут? – спросил он.

- Госпожа Цутида, вы же знаете! - улыбаясь, ответила я. – Но как я могу оставить сейчас дело?

- Но ведь в школе у тебя начались каникулы. А в агентстве, наверное, есть кому тебя заменить.

- Возможно, - неуверенно произнесла я.

- О визе и остальных формальностях я сам позабочусь. Думаю, месяца тебе будет достаточно.

- Спасибо, Ито-сан! – радостно сказала я. – Возможно, это

как раз то, что мне сейчас необходимо.

Обещав все взвесить и подумать над его предложением, я вежливо попрощалась и поехала домой.

Из черной записной книжки с изображением красного дракона на обложке:

*Холодный лист покрыт ледком,
Под ним краснеет мертвая букашка.
Не растопить и солнечным огнем
Смертельный сон.
Не жди весны напрасно.
Неизвестный японский поэт XVI в.*

На следующий день я проснулась в твердой решимости поговорить с Лизой. Она целые дни проводила в приемной агентства, отвечая на телефонные звонки, записывая заказы и оформляя договоры. Недавно Лиза привела себе помощницу, ее звали Злата. Когда я узнала, что их познакомил Павел Николаевич, то поначалу растерялась и испугалась.

Павел Николаевич, занимающий какой-то пост в министерстве, я никогда не выясняла, какой и в каком именно, познакомился со мной на одном из приемов, устроенных господином Ито. И получилось так, что через какое-то время я стала его госпожой. Павел Николаевич обожал унижения, хотя тщательно скрывал это. Но после моего пребывания в

рабстве, бить, связывать, унижать кого-то, пусть даже в эротической игре, оказалось выше моих сил, и я прекратила эти отношения. И вдруг к моему ужасу юная, робкая и застенчивая, к тому же все еще не оправившаяся после тех событий Лиза неожиданно заняла мое место.

- Мне нравится причинять ему боль, - заявила она. – И ты знаешь, как я ненавижу всех мужчин!

«Но как же они вступают в интимный контакт? – думала я, быстро идя к офису от своей машины. – Ведь лучшее вознаграждение рабу – это возможность «искать зернышко». Или Лиза уже каким-то образом решила психологическую проблему и допускает до своего тела мужчину? Тогда почему я все еще не могу?»

Я постаралась принять безмятежный вид и подошла к стеклянным дверям офиса. Охранник, стоящий у входа, быстро распахнул их передо мной и вежливо поздоровался.

- Все в порядке, Слава? – поинтересовалась я.

- Все отлично, Татьяна Андреевна, - бодро ответил он.

Лиза сидела на своем рабочем месте, утопающем в цветах, и внимательно смотрела в монитор. Выглядела она, как всегда, восхитительно. Густые темные волосы она сегодня затянула в хвост, что сделало ее узкое белое лицо еще более утонченным и нежным. Огромные темно-карие глаза с длинными густыми ресницами были почти незаметно подкрашены, светло-розовые губы чуть блестели бесцветной помадой. Она подняла глаза со строгим, но приветливым выражением.

Но, увидев, что это я, расцвела в улыбке.

- Танюша! – заговорила Лиза звонким голоском. – Как ты сегодня рано! Всего-то десять утра! У девушек занятия начинаются только в полдень. У тебя же вчера отчетный концерт в школе был. Я думала, ты отсыпаешься! Зачем ты так рано встала? – заботливо спросила она, выходя из-за стола.

- Да так, - неопределенно ответила я, размышляя, как приступить к важному и щекотливому разговору.

- Хочешь, принесу тебе свежий чай в кабинет? – продолжала хлопотать Лиза. – У меня есть очень вкусные конфеты, - лукаво добавила она.

- Конфеты? – слегка оживилась я.

- Да, бельгийские. Молочный шоколад в виде морских ракушек. Просто во рту тают. Это мне Павел Николаевич вчера принес.

Я внимательно на нее глянула и прошла в свой кабинет. Лиза устроила все так, что он выглядел роскошно, но меня это немного раздражало. Темный полированный стол, обитые синим бархатом с золотыми прошивками кресла с дубовыми подлокотниками, тяжелые золотые шторы – все это, как мне казалось, не подходило по стилю к агентству, предоставляющему услуги гейш. На стенах, правда, висело несколько отличных копий японских эротических картин сюнга. Но среди этой вычурной мебели они выглядели нелепо. Цветочная композиция на моем столе тоже не соответствовала японскому стилю. Ее обычно составляла Лиза и

действовала по настроению, а не по канонам искусства икебана. Вот и сегодня я увидела в белой керамической вазе никак не сочетающиеся между собой красные розы и сиреневые ирисы.

Я села за стол и задумчиво посмотрела на одну из картин. Юноша и девушка стояли во дворике в какой-то немыслимой позе. Девушка, неестественно изогнув шею, опиралась головой о стену дома. Одна ее нога была согнута в колене и высоко поднята вверх. Поднятая пола кимоно обнажила нижнюю часть тела. Ее яшмовые ворота, полностью открытые зрителю, художник изобразил преувеличено большими, в соответствие этого стиля. Как и нефритовый стебель юноши, стоящего на полусогнутых широко расставленных ногах. Его одежда была также поднята, нефритовый стебель наполовину скрывался в отверстии яшмовых ворот, но лица участников ничего не выражали. Они казались невозмутимыми масками, даже без намека на эмоции. Раньше меня возбуждали эти картины, особенно вид изображавшегося традиционно огромным нефритового стебля, но сейчас эти произведения древнего японского искусства вызывали скорее раздражение и даже отвращение. Я вздохнула и отвела взгляд.

В этот момент в кабинет вошла Лиза, неся поднос с чайным набором.

- А вот и я! – ласково проговорила она. – Ты, наверное, заждалась? И в горле уже пересохло?

- Нет, не особо. Я смотрела на картины.

- А, на эти! – непонятым тоном сказала Лиза и слегка по-морщилась. – В принципе, мы можем поменять их на что-нибудь более пристойное. Скажем, на изображения горы Фудзиямы.

- Ты сказала: горы Фудзи горы, - тихо заметила я.

- Что? – непонимающе улыбнулась Лиза.

- Яма переводится как гора, - пояснила я. – Так что ты повторила это слово дважды.

- Ну, я же не обучалась в Японии! – рассмеялась Лиза. – И всех этих тонкостей не знаю.

- Извини, - мягко ответила я. – А по поводу сюнга нужно подумать.

- Что, тебе уже тоже они разонравились? – усмехнулась она. – Хорошо, я что-нибудь поищу в художественном салоне более пристойное.

Лиза поставила чашки на стол и разлила чай. Она устроилась напротив меня и внимательно посмотрела прямо в глаза.

- Танюша, у тебя что-то случилось, – констатировала она после довольно длительного молчания, во время которого буквально сканировала меня острым взглядом.

- С чего ты взяла? – спросила я, отпивая чай и опуская ресницы.

- Ни с чего! Просто я чувствую на интуитивном уровне. Ты ведь мне больше, чем сестра, - ответила Лиза.

- Вчера после концерта я ездила в гости к нашему общему

другу господину Ито, - после паузы, чувствуя легкое волнение, ответила я.

- Да? – спросила Лиза.

И одна из ее тонких, красиво очерченных бровей приподнялась.

- Да, ездила, - вздохнула я.

- И что? – подтолкнула она меня.

- Абсолютно ничего!

Я встала и отошла к окну, повернувшись к Лизе спиной. Так мне, несомненно, легче было говорить с ней на эту тему.

- Хотела у тебя спросить, Лизавета, - чуть тише начала я, - а как у тебя с Павлом Николаевичем складываются интимные отношения?

После продолжительного молчания я обернулась. Лиза сидела, нахохлившись, как озябший воробей, и неподвижно смотрела в пол. Я подбежала к ней, села на корточки и попыталась заглянуть в глаза, ругая себя за бестактность. Лиза посмотрела на меня пристально, но ее глаза оставались сухими.

- Прости меня, девочка, - тихо произнесла я. – Просто у меня жуткая проблема с интимной жизнью. Я не знаю, что мне делать!

- Для тебя это так важно? – спросила Лиза.

Ее лицо разгладилось и приняло успокоенное выражение. Я встала и вернулась за стол. Отпив уже остывший чай, устало проговорила:

- Господин Ито вчера отметил, что я утратила эротическое обаяние и от этого словно погасла. И для гейши это конец карьеры, ведь мы притягиваем мужчин именно сексуальной женской энергией. Ты знаешь, отчего это происходит со мной. Вот я и решила спросить у тебя об этой проблеме. Может, ты нашла какой-то способ справиться?

- Я и не искала, - сказала Лиза. - Мне это не нужно. Я прекрасно живу без всей этой мерзости и считаю, что ничего более отвратительного, чем акт совокупления, и быть не может. Я ненавижу даже вид члена, и Павел Николаевич, по моему требованию, всегда при мне ходит в короткой юбочке в складку, типа клетчатого килта, которую я ему сама сшила. Скорее не ходит, а ползает на четвереньках в голом виде и в этой юбочке, - неожиданно добавила она и расхохоталась.

- Лиза! - немного укоризненно сказала я и нахмурилась. - Я всегда уважаю мужчину, который рядом со мной, каким бы он ни был странным в своих пристрастиях.

- Так это ты! - ответила она. - А я считаю, что мне повезло, и судьба предоставила мне игрушку для моих прихотей в лице одного из мерзких представителей класса самцов. И я мучаю его в свое удовольствие. Хотя и у моего раба бывают минуты наивысшего блаженства.

- Да? - оживилась я.

- Я иногда под настроение позволяю ему целовать кое-где, но только целовать и ничего больше, - шепотом сказала она. И громко добавила: - Он потом неделю счастлив, идиот!

Мы замолчали. Я задумчиво вертела карандаш в пальцах и не сводила глаз с раскрасневшегося лица Лизы. Сейчас я понимала, что дельного совета от нее ждать не приходится. Видимо, придется обратиться к врачу, чего мне делать совершенно не хотелось.

- Не волнуйся обо мне, - сказала она, глядя на меня встревожено. – А то на тебе лица нет.

Ведь это всего лишь забавная игра!

- Я беспокоюсь, - ответила я. - Такая игра не вполне нормальна.

- Таня! Я вполне взрослая женщина и отдаю себе отчет! – рассердилась Лиза.

- Тебе всего лишь восемнадцать, - заметила я и вздохнула.

- Цифры в паспорте ничего не значат, - ответила Лиза и рассмеялась.

«А может, на самом деле организовать проведение настоящих чайных церемоний, а Лизу попросить стать тядзин³?» – подумала я.

Когда я жила в Токио, то несколько раз присутствовала на подобных церемониях.

Тядзин играла на них главную роль. Она была ведущей всего действия и задавала тон.

«Попрошу Лизу внимательно изучить искусство традиционной церемонии. А это очень сложное и интригующее по своей сути дело, - размышляла я. – Это вам не наши «шесть

³ Тядзин – хозяйка чайной церемонии

стаканов чая с малинишным вареньем» после бани. Это целый обряд. И у нас мало кто с ним знаком. Лизе будет интересно и точно отвлечет ее. Может, и мысли ее перенаправятся в более гармоничное русло! Да и помещение нужно будет полностью переоборудовать».

Приняв это решение, я немного успокоилась.

Из светло-зеленой записной книжки с изображением горы Фудзи на обложке:

*Будь прям, как стебель гладиолуса,
Но и цветы, как он.
Прямой и стойкий – слава воинства,
Но с нежной душой...
Неизвестный японский поэт XV в.*

Господин Ито в конце недели устроил вечеринку и пригласил меня выступить в качестве гейши Аямэ. Я обрадовалась и решила не ударить в грязь лицом.

- А мои девушки Идзуми и Сакура? – поинтересовалась я.
- Не стоит их брать, - вновь отказался господин Ито. – Они, несомненно, прекрасны, но пока абсолютно не гейши. А мне очень важно впечатление господина Миуры, я же тебе говорил. Если он сочтет возможным, то подпишет с нами очень выгодный контракт. Пойми, Таня, сложность ситуации. Ведь я, практически один, олицетворяю здесь всю на-

шу фирму. Идзуми и Сакура – отличные подделки, вернее, сырые работы мастера, - поправился он, - а мы, японцы, ценим только законченные произведения искусства, - добавил он. – Работай и преврати их в таковых.

- Я поняла, Ито-сан, - ответила я и опустила глаза.

- Впрочем, - задумчиво произнес он, - можешь взять с собой твою сотрудницу Лизу. Она необыкновенно утонченная и воспитанная девушка и украсит любую компанию.

Я с радостью согласилась.

Я думала, что господин Ито соберет гостей в загородном доме, как он это обычно делал, или в квартире на Ордынке. Но он пригласил всех в какой-то неизвестный мне ночной клуб, находящийся в небольшом подвальном помещении в одном из переулков Арбата. Для меня это представляло определенную сложность, так как я не знала, смогу ли там переодеться и загримироваться. В день вечеринки я позвонила господину Ито, чтобы это выяснить.

- Не волнуйся, Таня, там есть комната отдыха для персонала. В ней и переоденешься, я договорился. А клуб я снял на всю ночь. Так что мы будем одни. И гостей, в общем-то, немного. Узкий круг друзей. Я решил не собирать шумную многолюдную толпу. Знаю я вас, русских. Это обычно заканчивается массовой попойкой. А мне сейчас это ни к чему. Господин Миура впервые в вашей стране. Зачем его сразу так пугать? – неожиданно хихикнул он.

- Вы правы, - улыбнулась я.

Лиза, к моему удивлению, с удовольствием приняла приглашение. Она предпочитала проводить время допоздна на работе или в обществе Павла Николаевича, поэтому ее готовность повеселиться где-то на стороне я сочла хорошим признаком.

- А мой раб приглашен, не знаешь? – все-таки спросила она. – Ведь он в прекрасных отношениях с твоим Ито.

- Не знаю, Лизонька, - ответила я. – Если приглашен, то сам тебе об этом доложит. Но учти, что я поеду намного раньше, мне нужно загримироваться уже на месте.

- Хорошо. Скажи мне адрес, и я появлюсь в срок, - спокойно сказала она.

Когда я подъехала к клубу, то сразу поняла, почему господин Ито остановил свой выбор именно на нем. Над входом светилось название «Ветка сакуры», внутри все было оформлено в японском стиле. Подхватив сумку, я прошла в сопровождении администратора в отведенную мне комнату.

- Простите, а у вас проводятся чайные церемонии? – решила я задать ему вопрос.

- Мы думали об этом, - с готовностью ответил администратор, молодой парень, похожий на китайца. – Но ведь у нас ночной клуб, в основном, для молодежи, с баром и караоке. Коктейли носят названия типа фирменного «Ветка сакуры» или «Меч самурая», а на самом деле это стандартные водочные или ликерные смеси. К примеру, обычная «Кровавая Мэри» у нас называется «Кровь дракона». Это просто стили-

зация под Японию на потребу моде. Народ хочет чего-нибудь экзотического, вот директор и решил все переделать. Раньше здесь находилось вообще стандартное кафе-мороженое. Так что настоящая чайная церемония, боюсь, не покатит для постоянной публики.

- Ясно, - улыбнулась я. – А как вы думаете, это было бы интересно для состоятельных господ?

- Трудно сказать, - задумчиво ответил он. – Только если для очень узкого круга. А вы – японка? – неожиданно спросил он.

- На четверть, - рассмеялась я. – И работаю гейшей.

- Как интересно! – с воодушевлением заметил администратор, наблюдая, как я открываю сумку и достаю черное шелковое кимоно с узором из золотых бамбуковых веточек. – Жаль, что заказчик, господин Ито, запретил персоналу показываться в зале. Но я буду наблюдать за вами в щелочку, - тихо засмеялся он.

- Конечно, - улыбнулась я. – А сейчас...

- Да, да, я удаляюсь, - тут же понял он и мгновенно и бесшумно испарился, словно его и не было.

«Когда появится Лиза, надо будет улучшить минутку и поговорить с ней об организации чайной церемонии, - подумала я, доставая из коробки гэта. – Атмосфера здесь самая подходящая, и Лиза быстрее проникнется идеей».

Но все вышло совсем не так, как я планировала.

Вечеринка была в самом разгаре, а Лиза все еще не появи-

лась. Я в образе гейши, с набеленным лицом и в парике при-
чески кэйсэй-симада, медленно прохаживалась между гостя-
ми, уделяя всем достаточное внимание и вступая в различ-
ные беседы. Наиболее часто я, естественно, подходила к гос-
подину Ито и его важному гостю господину Миуре. Тот ока-
зался совсем молодым на вид японцем с узким желтым ли-
цом, большими светло-кариими глазами и довольно пухлыми
губами. Он совсем не говорил по-русски, зато отлично вла-
дел английским, и явно обрадовался, что я хорошо знаю этот
язык. Я видела, что он чувствует себя в новой обстановке
немного неуютно, к тому же он только несколько дней назад
прилетел из Токио и еще не акклиматизировался. Разница
во времени также давала о себе знать. Я понимала это и ста-
ралась сделать все, чтобы господин Миура чувствовал себя
как дома. Он иногда с нескрываемым любопытством погля-
дывал на меня, но вопросов пока не задавал. Говорили в его
обществе, в основном, я и господин Ито. Я подливала гостям
теплое саке, отвечала на шутки, потом исполнила несколько
номеров на сямисэне. Краем глаза видела, что господин Ми-
ура слушает с удовольствием. После моего выступления он
подошел и выразил восхищение. Я увидела, что он чувствует
себя уже более непринужденно.

Два официанта подали закуски, разнообразные бутербро-
ды с рыбой, роллы и суши, выложенные на плоские кера-
мические блюда, и быстро удалились из зала. Столики были
низкими и квадратными, из какого-то темного дерева, на по-

ду лежали толстые циновки, стены украшали огромные раскрытые веера с яркими рисунками, бра были в виде красных фонариков с шелковыми кистями на концах и черными иероглифами на боках. Гости уселись за столики прямо на пол и с удовольствием принялись за еду. Господин Миура наконец-то расслабился и тоже начал уплетать закуски, о чем-то оживленно переговариваясь с господином Ито. Потом он жестом подозвал меня и пригласил присоединиться к их столику. Но только я, поблагодарив, опустилась на циновки рядом с ним, аккуратно подобрав длинные полы кимоно и подняв кувшинчик с sake, чтобы подлить господину Ито, произошло почти одновременно два события.

В дверях появился господин Кобаяси. Это был наш общий друг. Он работал секретарем посольства, его дочь Кихару училась в школе, где я преподавала в танцевальной студии. При его появлении господин Ито сразу встал и направился к новому гостю. Тот извинился за опоздание и приветливо поздоровался с присутствующими. Господин Ито пригласил его за наш столик, познакомил с господином Миура и спросил немного шутливо, не видел ли он по дороге где-то застрявшего Павла Николаевича, которого он тоже пригласил на вечеринку.

- Он мне не попался, - так же шутливо ответил господин Кобаяси, улыбаясь черными щелочками глаз.

Он кивнул мне, и его глаза блеснули. Таня и Аямэ были для него разными людьми, но мне казалось, он давно дога-

дывался, что это один человек.

В этот момент раздался какой-то странный лай, сменившийся жалобным скулением, и в зал вошла Лиза. Я так растерялась, что застыла на месте, не сводя с нее глаз. Лиза была одета необычайно элегантно. Строгий белый костюм, состоящий из узкой юбки и короткого приталенного жакета, облегал ее стройную изящную фигуру. Его дополняли газовый шарфик черного цвета в белый горошек, свободно свисающий вдоль низко расстегнутого выреза, и черная шляпа с небольшой вуалеткой, опущенной на глаза и почти скрывающей верхнюю часть лица. Зато четко были видны губы, густо покрытые алой блестящей помадой. Лиза надела черные туфли на необычайно высокой и тонкой шпильке и, как мне показалось, с трудом стояла на них. Рукой в черной узкой перчатке Лиза держала поводок, на конце которого я увидела пристегнутого за ошейник Павла Николаевича, стоящего на четвереньках с опущенной головой. При этом он был одет в строгий серый костюм.

- А с собаками сюда можно? – тонко и капризно спросила Лиза и легко пнула узким носком туфельки Павла Николаевича.

Он сильно вздрогнул всем телом и вновь заскулил.

- Ты опять за свое, скотина?! – взвизгнула Лиза и пнула его сильнее, с трудом удержавшись на ногах.

В зале воцарилась мертвая тишина. Я увидела, как лицо господина Ито заливается краской. Он беспомощно глянул

на меня, потом перевел взгляд на своего важного гостя. Тот смотрел с живым любопытством, видимо, не понимая, что происходит. Я уже хотела вмешаться, но господин Кобаяси опередил меня. Он мгновенно понял, в чем дело, и ринулся к Лизе.

- Мадам, вы ошиблись адресом, - громко проговорил он, выводя ее из зала.

Павел Николаевич полз за ними на четвереньках.

- Ничего я не ошиблась! – попробовала возмутиться Лиза.
– Меня Таня пригласила! Слышь, япошка? Где она?!

- Здесь нет никакой Тани, - уверенно сказал господин Кобаяси и вывел ее за дверь.

Гости облегченно засмеялись и принялись за еду.

- Загадочная русская душа, - попробовал исправить впечатление господин Ито, улыбаясь и кланяясь, словно это зрелище входило в программу вечера.

- Yes, yes, - кивал ему в такт господин Миура и тоже улыбался.

Когда вернулся господин Кобаяси, мы отошли в сторону.

- Я посадил их в такси, - тихо ответил он на мой немой вопрос. – Хорошо еще, что Павла Николаевича никто из присутствующих, кроме господина Ито, не знает. А то скандала бы не избежать, - добавил он, внимательно глядя мне в глаза.

- Это ужасно, - прошептала я. – И я завтра же серьезно поговорю с Лизой.

- Не стоит придавать этому такое уж значение, - мягко

произнес он. – Во-первых, они оба в состоянии сильного опьянения, во-вторых, раб – это суть личности и с этим ничего не поделаешь. Повлиять на это невозможно. Главное, что эта пара в гармонии.

«Японцы все об одном, - подумала я, вздохнув. – Ох, уж эта их пресловутая гармония!»

- Припоминаю, милая Аямэ, - после паузы тихо проговорил господин Кобаяси, хитро на меня глядя, - один из вечеров в загородном доме нашего общего друга Ито. Тогда Павел Николаевич неожиданно рухнул к ногам некоей Тани и прижался губами к ее туфельке. Сейчас я, кажется, начинаю понимать подоплеку всей этой трагикомичной ситуации.

- Но ведь у него тогда просто закружилась голова от сильного запаха сирени, - опрометчиво сказала я, думая о своем.

- Но как вы, Аямэ, можете это знать? – напрямую спросил он. – Ведь вас там тогда, насколько я помню, не было? Или были?

- Ладно, вы меня поймали! – засмеялась я. – Но ведь вы давно подозревали, что гейша Аямэ и русская девушка Таня – одно лицо?

- После нашего сеанса кинбаку я в этом был почти уверен. Не хотите повторить? – вкрадчиво спросил он.

«А может вновь попробовать? – мелькнула шальная мысль. – Может, это именно то, что поможет мне? Клин иногда выбивается клином».

- Я подумаю,... мастер, - еле слышно ответила я.

- Буду ждать с нетерпением, - сказал господин Кобаяси и отошел от меня.

Лиза появилась в офисе только через два дня после вечеринки. Я не звонила ей и не пыталась найти, давая возможность прийти в себя. Мы занимались разучиванием новой мелодии на сямисэне с Идзуми, когда Лиза робко заглянула в дверь. Сакура, которая в этот момент примеряла новое кимоно, вскрикнула и быстро запахнула полы. Но увидев, что это Лиза, улыбнулась и громко поздоровалась.

- Привет, привет, - вяло ответила Лиза, входя к нам. – Не помешаю?

- Нет, - сказала я, настороженно на нее глядя. – У Идзуми, мне кажется, устали пальцы.

Хоть господин Ито и критиковал моих девушек, но кое-что они уже отлично понимали, вернее, чувствовали. Один из основных талантов гейши – способность улавливать тончайшие нюансы настроения присутствующих и вести себя в соответствии с ними. Мне иногда приходило на ум сравнение гейши с пушинкой, легко плывущей по воздуху и подчиняющейся малейшим изменениям ветерка, словно она была его частью. Мы с Лизой говорили обычным тоном, наши лица ничего особенного не выражали, но Сакура, а вслед за ней и Идзуми, быстро встали, извинились и покинули помещение, шестым чувством поняв, что нам необходимо остаться наедине.

- Присаживайся, дорогая, - предложила я, когда за ними

закрылась дверь.

Ситуация меня сильно смущала. Я не считала себя вправе читать Лизе нотации, поэтому решила подождать, что она мне скажет.

Лиза прошла к небольшому кожаному дивану, стоящему в дальнем углу, и села, потупив глаза. У нее был вид провинившейся сотрудницы, пришедшей на собеседование к суровому боссу. Но я молчала, аккуратно разбирая сямисэн и пряча его части в футляр. Потом спокойно подошла к Лизе и села рядом, откинувшись на мягкую спинку дивана. День сегодня выдался необычайно жаркий и солнечный. И Лиза надела тонкие полотняные брюки и вышитую по вороту мелким цветочным узором белую батистовую блузку. Но ее лицо показалось мне блее этой блузки. Я вдруг поняла, что она от волнения практически в полуобморочном состоянии, и, обняв ее за плечи, мягко проговорила:

- Ничего страшного не произошло, Лизонька. Никто и не понял, а господин Ито тебя вообще не узнал под густой вуалью. Не бойся! И забудь об этом инциденте. Это было даже забавно! – добавила я и улыбнулась.

Лиза подняла ресницы, и я увидела ее огромные карие глаза с сильно расширившимися зрачками. В них застыл ужас.

- Ты не все знаешь, Танечка, - шепотом сказала она. – Мы потом приехали домой, и я избилла Павла Николаевича до бесчувственного состояния. У меня просто крышу сорвало.

И я видела в нем всех тех... тварей, что мучили меня... в том страшном подвале.

Она всхлипнула и закрыла лицо руками. Сейчас я почувствовала, как кровь отхлынула от моего лица. Я буквально потеряла дар речи.

- А потом я выгнала его на улицу и при этом кричала, чтобы он уполз в свою конуру и подох там, как паршивая собака. Это он мне рассказал уже в больнице, - тихо добавила она.

- Значит, он в сознании? – уточнила я и перевела дух. – Все обошлось?

- Не совсем. У него сотрясение мозга. Его подобрала милиция в двух кварталах от моей квартиры. А так как он был пьян до бесчувствия и слова не мог сказать, то они решили, что его избили хулиганы. Он, когда очнулся, подтвердил эту версию.

- Хорошо развлеклись! - заметила я и истерично рассмеялась. – Надеюсь, он быстро поправится!

- Заживет, как на собаке, - хмуро ответила Лиза.

- А он не может донести на тебя? – поинтересовалась я. – Кто его знает!

- Что ты! – усмехнулась Лиза и к моему несказанному удивлению достала сигарету. – Я сейчас как раз от него. И он мне признался, что если раньше я была для него госпожой, то сейчас я – сверхчеловек. И мне можно его убить, если я так решу.

- Ох, Лиза, Лиза, - сурово сказала я, - говорила я тебе,

предупреждала, что такие игры до добра не доводят.

- Может, и брошу! – тихо ответила она и вынула зажигалку.

- Ты куришь?! И с каких это пор? Тем более, здесь? – возмутилась я.

- Так, покуриваю иногда, - ответила она и затянулась. – Помогает расслабиться. Просто при тебе я воздерживалась. Знала, что будешь недовольна.

- Но ведь это вредно, и цвет лица очень портится.

- А зачем мне цвет лица? – хмыкнула Лиза. – К тому же это легкие сигареты.

- Табак есть табак! И от него только вред! – тут же взвилась я и выхватила сигарету из ее дрожащих пальчиков. – И когда ты только пристрастилась?

- Тимур как-то угостил, - невозмутимо ответила она и ясно на меня глянула.

- Тим? – удивилась я. – Ну, я с ним поговорю еще на эту тему!

- Попробуй, – вяло сказала Лиза и встала. – Только никто тебя не боится!

- Как он, кстати? – спросила я.

- Замечательно. У него новая взрослая тетенька и еще богаче предыдущей, - зло засмеялась Лиза.

Тимур, или Тим, как его обычно называли, последнее время жил с пятидесятилетней дамой, поэтому виделись мы с ним крайне редко. Но оказывается, Лиза с ним встречалась!

Мне стало отчего-то неприятно.

- Я с ним столкнулась абсолютно случайно, - словно читая мои мысли, проговорила Лиза. — Ты же сама сказала, что тебя раздражают картины сунга в кабинете. Вот я и решила подобрать что-нибудь более приличное. И в одном художественном салоне нос к носу столкнулась с Тимом и его новым «малышом». Они тоже присматривали картину для своего гнездышка, - ехидно добавила она.

- Ну-ну, - только и сказала я. — А куда же предыдущая подружка подевалась?

- Мы потом с Тимом, когда его дама уехала в салон красоты, посидели в небольшой кафешке. История банальна, как этот банальный мир, - скривив губы, проговорила Лиза. — Прежняя любовница не купила ему квартиру, как Тим рассчитывал, держала на привязи одними обещаниями, дико ко всем и всему ревновала и, в конце концов, выгнала его на улицу, в чем он был.

- Кошмар! — встряла я. — А ведь мы с тобой его предупреждали.

- Да он и не особо расстроился. Тут же в клубе на очередном представлении подцепил бабу, еще круче прежней, и охмуряет сейчас ее. А первая одумалась и умоляет вернуться. Тим развлекается и делает ставки, кто больше за него даст. Да, кстати, Таня, он передавал тебе привет. У меня есть его новый телефон. Он сказал, что хочет смотаться на недельку в родной город. Может, составишь ему компанию?

– неожиданно предложила Лиза и пристально на меняглянула.

- Я?! – неподдельно изумилась я. – Поехать домой?

Я не была в родном городе больше двух лет. И по правде говоря, родители устали меня звать. Мама несколько раз приезжала в Москву, а отец не появился ни разу, так как не любил путешествовать.

- Мне кажется, дорогая, - тихо проговорила Лиза, - тебе необходимо сменить обстановку. Возможно, это именно то, что тебе сейчас нужно.

- Но господин Ито предложил поехать в Токио на месяц, - задумчиво произнесла я. – Правда, со сроками пока неопределенность. И как же агентство?

- А на меня, значит, уже боишься оставить? – обиженно спросила Лиза. – К тому же с июля по сентябрь жизнь в столице затихает, ты это знаешь. Все в отпусках. Денег мы заработали очень прилично и можем до осени расслабиться. А с Токио еще непонятно.

- Я хотела отпустить Идзуми отдыхать в июле, а Сакуру - в августе.

- Таня, положиись на меня, уезжай спокойно. Я сама со всем разберусь, - решительно проговорила Лиза. – Тем более с Тимом за компанию веселее тебе будет. Он точно едет.

Свиток второй. Ручеек, бегущий меж камней

Я созвонилась с Тимуром. Он подтвердил, что решил съездить на недельку в наш городок, и очень обрадовался предложенной мной компании. Один нюанс – я хотела только самолетом, а Тим настаивал на поезде. Пospорив несколько минут, мы рассмеялись, и он неожиданно предложил бросить жребий.

- Пусть судьба решит, - серьезно заявил Тим и тут же шумно задышал в трубку, видимо, с трудом сдерживая очередной приступ смеха.

Но я относилась более уважительно к таким понятиям как «судьба», «рок», «случайность», поэтому рисковать не стала и просто уступила. И мы решили ехать поездом. Я взяла на себя покупку билетов.

До отъезда у меня оставалась еще неделя. Я привела в порядок дела и попросила Лизу вести себя в мое отсутствие достойно. Она мне это клятвенно пообещала.

- А потом и тебя в отпуск отправим, - ласково сказала я, когда в офис доставили заказанные мной билеты.

- Не хочу, - надула она губы. – Да и куда я поеду?

- Домой не тянет? – осторожно поинтересовалась я.

Лиза приехала после окончания школы в Москву из Твери, где у нее остался, насколько я знала, только отец. Но он был молодым, ему еще не исполнилось сорок, и когда мать Лизы умерла, он вторично женился на девушке, всего на пару лет старше дочери. И Лиза, едва дождавшись окончания школы, тут же уехала поступать в институт.

- Не тянет, - пробормотала она и нахмурилась. – К тому же Павел Николаевич предлагает в середине августа слетать на Канары. Он мне и загранпаспорт сделает.

- Вот как! – осторожно сказала я. – Как, кстати, он себя чувствует?

- Уже хорошо, - усмехнулась Лиза.

Я молча погрозила ей пальцем, а она в ответ показала язык.

На следующий день я сидела у себя в кабинете, а в приемной находилась Злата. У Лизы был выходной, и она решила провести его в больнице с Павлом Николаевичем.

Злата, пухленькая хорошенькая блондинка, очень импонировала мне неиссякаемой жизнерадостностью и способностью во всем находить смешное. Она просунула в дверь круглую улыбающуюся мордашку и прыснула.

- Злата! – сурово проговорила я. – В чем дело? Сколько буду тебя учить, входи в кабинет достойно и говори по существу.

- Да, конечно, Татьяна Андреевна, - сказала она и широко открыла дверь, не переставая улыбаться.

- Ну, что там у тебя? – спросила я более спокойно, глядя на ее рыжеватые волосы, синие глаза и ямочки на пухленьких щечках.

На Злату невозможно было долго сердиться. Она просто излучала оптимизм.

- К вам посетитель, - начала сбивчиво объяснять она. – Но

он ни слова не говорит по-русски. Он заходит и лопочет что-то. Я слышу слово типа «сямисэн» и пытаюсь объяснить, что мы не торгуем подобными инструментами, и он явно ошибся адресом. «Да и вообще в Москве ими никто не торгует», - добавила я и рассмеялась. Он вытаращил на меня свои черные глазенки и начал что-то лопотать на английском, а потом я услышала «гейся Аямэ» и поняла, что это к вам!

- Сямисэн? – удивленно спросила я. – А может, он сказал «сумимасэн»?

- Может, - охотно согласилась Злата и вновь хихикнула. – Не вижу принципиальной разницы.

- Сумимасэн, по-японски, это «прошу прощения», - пояснила я. – И где же этот загадочный посетитель?

- В приемной ждет, - ответила Злата. – Пригласить к вам?

- Ну конечно! Это наверняка заказчик! Веди! – поторопила я.

Через минуту в кабинет вошел господин Миура. Я с удивлением поприветствовала его, машинально перейдя на английский. Он явно обрадовался и быстро заговорил:

- Ито-сан дал мне этот адрес, чтобы я смог лично засвидетельствовать свое почтение прекрасной Аямэ. Я смогу ее увидеть?

Я не ответила и пригласила его присесть. Потом позвонила Злате и попросила приготовить нам свежий чай.

Господин Миура устроился в кресле напротив моего стола и задержал взгляд на картинах сунга. Я увидела, как лег-

кая краска появилась на его желтых щеках. Я опустила глаза, потом мельком глянула на его лицо и, как при первом знакомстве, решила, что он очень молод. Хотя у японцев возраст определить довольно сложно. Но мне показалось, что господину Миуре не более 23-25 лет.

- Аямэ произвела на меня неизгладимое впечатление, - после паузы заговорил он. – Я впервые уехал так далеко от дома, от семьи. И чувствую себя очень странно. Увидев Аямэ на приеме, я даже как-то смог успокоиться и ощутить гармонию. Я готов заплатить любую сумму за вечер с ней, - добавил он и посмотрел мне в глаза, чуть вытянув шею.

- Приятно слышать о хорошем впечатлении, произведенном Аямэ на вас, - спокойно произнесла я. - Но дело в том, что она уезжает в отпуск.

- Я готов ждать ее возвращения, - ответил господин Миура. – Дела складываются таким образом, что я буду работать какое-то время в Москве. Возможно, до конца года, - после паузы тихо добавил он.

- Понятно, - задумчиво сказала я.

- Хотя бы один вечер до ее отъезда? – попросил он. – Я живу в квартире, любезно приготовленной для меня господином Ито, недалеко от его дома.

«Вот как! – подумала я. – Это очень удобно». И вслух сказала:

- Хорошо. Оставьте ваш адрес, Миура-сан. Если Аяме навестит вас сегодня?

- О! – явно обрадовался он. – Хай! Хай! – отчего-то перешел он на японский. Но тут же поправился: - Yes, yes!

В этот момент в кабинет вошла раскрасневшаяся Злата с подносом в руках. Она молча поставила чашки на стол, стараясь не глядеть на гостя. Я видела, что она с трудом сдерживает желание рассмеяться. Я грозно глянула на нее, она поджала губы и стремительно покинула кабинет.

Выпив чаю и оговорив условия, ошарашенный господин Миура распрощался со мной. А я тут же набрала номер господина Ито.

- Здравствуйте, Ито-сан, - быстро проговорила я, когда он ответил. – У меня сейчас был господин Миура, поэтому возник ряд вопросов.

- Слушаю внимательно, Таня, - сказал он. – Какие-то проблемы?

- Не то, чтобы проблемы. В первый момент я испугалась, что в директоре агентства он узнает гейшу Аямэ.

- Да, я тебя понимаю, - согласился господин Ито. – Ситуация довольно щекотливая. В Японии никогда владелица чайного дома не будет выступать в качестве гейши. У нас строгая иерархия.

- То-то и оно, - вздохнула я.

- Но мы же сразу с тобой предполагали, что тебе какое-то время придется выступать в этом качестве, пока не подготовишь достойные кадры.

- Такими темпами я вечно буду гейшей Аямэ, - удрученно

сказала я.

- А тебе это больше не нравится? – осторожно поинтересовался господин Ито.

- Даже и не знаю, - призналась я. – Моя интимная проблема не решена. Вы понимаете, о чем я.

- Но у тебя нет выхода. Пока в Москве ты – единственная гейша. И пока твои девушки не наработают необходимое мастерство, ты не можешь оставить это ремесло. Заметила, большинство заказов именно на тебя? А Сакура и Идзуми идут только как дополнение.

- Да, вы правы, - вновь вздохнула я.

- Кстати, - после паузы быстро сказал он, - могу отправить тебя в Токио, но только в июле. Ты даже можешь улететь вместе с семьей Кобаяси. Он как раз отправится в отпуск. Как?

Кихару, дочка господина Кобаяси, училась в школе, но занятия в моей студии не посещала. Поэтому я ее знала плохо. А с госпожой Кобаяси встречалась несколько раз, и эта женщина не очень ко мне благоволила.

«Лететь с ними в одной компании? – задумалась я. – Но в то же время мне так проще будет».

- Что решила, Таня? – услышала я в трубке немного нетерпеливый голос господина Ито и быстро ответила:

- Замечательно! С удовольствием полечу вместе с ними.

- Вот и отлично. Обо всех необходимых формальностях я позабочусь сам. Если тебе нужны деньги...

- О, нет! Средств у меня достаточно, - быстро сказала я. -

Спасибо. Вы очень добры, Ито-сан. И я ценю ваше отношение!

Мы попрощались. Я положила трубку и выпила окончательно остывший чай. Потом позвонила Злате. Она вприпрыжку вошла в кабинет все с той же задорной улыбкой.

- Девчонки на занятия явились, - дoloжила она, составляя чашки на поднос.

- Сейчас подойду, - задумчиво проговорила я.

Сегодня вечером мы должны были выступать на одной корпоративной вечеринке. Но там особого искусства, насколько я понимала, не требовалась. Нас пригласили в качестве экзотического дополнения к программе вечера. Главный бухгалтер одной крупной компании отмечал свой юбилей, снял кафе на всю ночь и решил устроить для коллег развлечение в японском стиле.

«Что ж, - решила я, - девушки сегодня справятся и без меня. А я займусь господином Миура».

- Он – японец? – спросила Злата, прервав мои размышления.

- Господин Миура? Да.

- Такой молоденький, хорошенький и желтенький, - затараторила она. – Прямо канареечка!

- Злата! – оборвала я ее, но не смогла сдержать смешка.

- Нет, вы не подумайте, Татьяна Андреевна, он мне очень даже понравился! К тому же меня всегда привлекали восточные мужчины, - зашептала она и округлила глаза.

- Чем же? – поинтересовалась я, вставая из-за стола.

- Как?! – изумилась она. – Вам ли не знать? С вашей-то профессией?

- Чего-чего? – рассмеялась я. – О чем это ты?

- Они же в интиме изобретательны и сведущи, не то, что наши недотепы! – хмыкнула Злата и презрительно скривила пухлые губки. – Взять хотя бы этот загадочный тантрический секс! – после паузы многозначительно сказала она. – Что мы о нем знаем? Ну, ничегошеньки! А ведь он потихоньку вошел в моду, и каждый уважающий себя человек просто обязан его знать.

- Вот тебе и новости! – заметила я. – А вот я ничего о нем не знаю.

- Да, ладно! Скрываете! Ну, Татьяночка Андреевна, поделитесь! – заныла она и умильно заглянула мне в глаза.

- Да с чего ты взяла, что я в курсе? – засмеялась я.

- Лиза говорила, что вы даже в Японии обучались. А уж там вам точно об этом рассказали, - заявила Злата.

- Девочка моя, ты что-то путаешь, - серьезно ответила я. – Насколько я помню, тантра – это что-то, связанное с йогой, а значит, с Индией.

- Да? – округлила она глаза. – И что? Все равно не помещает для общего развития.

Спросите у этого нового клиента, вдруг он знает.

- Хорошо, - согласилась я, чтобы от нее отвязаться.

Из голубой тетради с изображением розовых цветов сакуры на обложке:

Мои записи.

Тантра — это наиболее древняя, дошедшая до нас система самосовершенствования, где энергия желания не подавляется, а сознательно используется для оздоровления, долголетия и духовного развития.

Тантра-Йога - это лишь один из путей совершенствования духа и тела, ведущий к приобретению уверенности в жизни, познанию себя и отношений между людьми, а в итоге - к радости и свободе. Попутно люди обретают крепкое здоровье и красивое тело.

Облик Аямэ я приняла в офисе, так как не представляла, где смогу переодеться в незнакомой мне квартире. Шофер доставил меня к подъезду, и я, прикрыв набеленное лицо веером, вышла из машины. И у дверей увидела ожидавшего меня господина Миуру. Он был в строгом европейском костюме.

«Как-то все у нас не продумано, - недовольно поморщилась я, мелко семеня к нему на гэта. — Неудобно переодеваться в офисе, а потом ехать на место в образе. Все-таки мы не в Японии, где гейшу легко можно встретить прямо на улице».

Но тут же, несмотря на то, что мое лицо практически до глаз прикрывал раскрытый веер, улыбнулась одними уголками губ, чтобы принять жизнерадостное выражение. И как

мантру, начала про себя повторять установки, данные мне во время обучения госпожой Цутидой: гейша не может морщиться, брюзжать, быть чем-либо недовольной, она всегда, как утренний цветок под солнечными лучами, раскрыта, безупречно прекрасна и манит мужчину своим непреходящим ики, словно цветок манит пчелу сладким нектаром.

Когда мы поднялись в квартиру, господин Миура проводил меня в гостиную, извинился и вышел. Я осталась стоять посередине, невольно озираясь по сторонам. Комната была отделана в излюбленном японцами минималистском стиле. Я не увидела в стене традиционной ниши токонома, но висела узкая полочка, выглядевшая, как деревянный овал, пересеченный снизу. Внутри этого овала, словно в нише, на нижней перекладине стояла бамбуковая ваза с композицией икебана. А по обе стороны этой импровизированной ниши висели два узких листа желтоватой бумаги с иероглифами, выполненными каллиграфом. На полу лежали циновки, стены были оклеены обоями, напоминающими льняное полотно. Огромные окна закрывали бамбуковые жалюзи. Я подошла к низкому деревянному столику, стоящему между окон, и положила возле него футляр с сямисэном, который принес шофер. Столик был в виде квадрата, стоящего на четырех круглых шарах. На его поверхности я заметила искусно вырезанное изображение двух драконов, образующих кольцо в погоне друг за другом. Я наклонилась и провела пальцем по прохладной поверхности дерева.

- Я родился в год Дракона под знаком Дерева, - услышала я голос господина Миуры и плавно выпрямилась.

«Это ж сколько ему лет?» – невольно подумала я, прикидывая в уме.

Сама я также родилась в год Дракона, но Огненного.

«Значит, ему или будет или уже есть 32 года, - решила я, произведя в уме вычисления. – Но выглядит намного моложе. Кто бы мог подумать. Просто юноша!»

- Дракон очень хороший знак, - мягко продолжил господин Миура, подходя ко мне. – Он символизирует мужское начало. А этот иероглиф #, - он поднял руку в направлении одного из каллиграфических изображений, - ты, наверное, знаешь, зодиакальный знак Дракона.

Тут только я заметила, что господин Миура переоделся в традиционное кимоно.

«И кто у нас тут гейша?» – опомнилась я и негромко произнесла:

- Знаю, Миура-сан, этот иероглиф читается, как «тацу», или Дракон, и я тоже родилась под этим знаком, только Огня.

- Замечательно! Огненный - это сильный, воинственный дракон, но отличающийся истинным благородством, – сказал он. – Может, присядем?

Я молча опустила на циновки.

- Как насчет чая? Или может чего-нибудь покрепче? – спросил он к моему удивлению. – Я видел, что на приеме ты немного пила саке.

- Разрешите, я за вами поухаживаю, Миура-сан, - предложила я, решив взять инициативу в свои руки.

- Да, мне было бы приятно, Аямэ, - улыбнулся он. – У меня есть коробочка ёкан. Ты, наверное, хотела бы их отведать?

- С удовольствием, - сказала я, с трудом вспомнив, что ёкан это сладкая пастила из красной фасоли.

- Пойдем со мной, - улыбаясь, произнес господин Миура.

Мы вышли из гостиной и, пройдя довольно длинный коридор, оказались в большой квадратной кухне, обставленной вполне по-европейски и со множеством современной бытовой техники. После лаконично строгой гостиной я почувствовала себя здесь в образе гейши несколько странно. Господин Миура, напевая что-то себе под нос, включил электрическую плиту и поставил чайник. Потом открыл один из шкафчиков и достал нарядную картонную коробку. Он поставил ее на стол и жестом пригласил меня. Я чувствовала себя все более неловко. Для меня такой клиент был в диковинку. Он вел себя просто и естественно, словно мы были давно знакомы, и даже пытался взять на себя обязанности гейши. Например, я видела, что господин Миура прилагает все усилия, чтобы я чувствовала себя, как дома. Он быстро поставил тонкие фарфоровые чашечки на стол, потом плоское плетеное блюдо. Я, выйдя из оцепенения, открыла коробку и начала аккуратно выкладывать разноцветную пастилу.

- Присаживайся, Аямэ, - ласково сказал он. – Ты, навер-

ное, устала. У тебя много клиентов?

- Сегодня вы первый, Миура-сан, - тихо ответила я, подняв на него глаза и чувствуя себя в шелковом кимоно, с высокой прической и набеленным лицом все более нелепо в этой обычной на вид, современной кухне возле хлопчущего мужчины.

- Можешь обращаться ко мне по имени, - неожиданно предложил он, и, повернувшись ко мне, добавил: - Меня зовут Акира.

- Хорошо, Акира, - сказала я и улыбнулась в ответ.

- Надеюсь, мы станем добрыми друзьями, - ласково проговорил он и насыпал в заварочный чайничек листочки зеленого чая.

Потом сел напротив меня и близко заглянул в глаза.

- Я вижу, несмотря на твой профессионально безмятежный вид, что ты удивлена, - тихо рассмеялся он.

- Немного, - подтвердила я. – Меня смущает такая непривычная роль.

- Чем же она непривычна? – спросил он и придвинулся ко мне.

Его довольно большие светло-карие глаза оказались напротив моих. Я робко заглянула в них и тут же опустила ресницы. Акира, несомненно, обладал тонким ненавязчивым мужским обаянием, и я уже успела его почувствовать. И даже что-то шевельнулось в душе. Какие-то неосознанные желания возникли в глубине подсознания, и я замерла, пытаюсь

их проанализировать.

- Или мое общество тебе неприятно, и ты просто выполняешь свою служебную обязанность? – предположил он.

Я подняла на него глаза и улыбнулась. Акира казался мне все более милым и даже забавным.

- Очень приятно, - искренне ответила я.

- Я рад! Мне тоже хорошо с тобой, и это сулит нам гармоничное общение.

- Несомненно, - ответила я и, неожиданно для себя, спросила: - А ты что-нибудь знаешь о тантрическом сексе?

Мой вопрос застал его врасплох. Я увидела, как подскочили его темные густые брови, как расширились глаза. Акира закинул голову и расхохотался так искренне и заразительно, что я начала смеяться вместе с ним. Он хохотал до слез и никак не мог остановиться. А когда успокоился, то посмотрел на меня с любопытством и погрозил пальцем.

- Ох, девочка, а ты не так проста, как хочешь казаться, - с трудом переведя дух, проговорил он. – Маленькая принцесса, оказывается, интересуется такими сложными и вечными вопросами.

- Сложными, вечными? – в изумлении переспросила я. – Прости мое невежество, Акира, но я думала, это какая-то разновидность интима чисто в физическом плане.

Я, чтобы скрыть невольное смущение, налила чай и пододвинула к нему чашку.

- Спасибо, Аямэ, - сказал он. - Можешь налить и себе. И

кушай, пожалуйста, ёкан.

Мы в молчании выпили чай. Но я видела, что у Акиры иногда начинают приподниматься уголки губ в непроизвольной улыбке. Когда мы закончили, мне даже захотелось помыть посуду и убрать со стола, словно я находилась дома. Но я сдержала этот неуместный для гейши порыв. Акира предложил перейти в гостиную.

Мы расположились на полу. Он непринужденно прилег, привалившись спиной к столику. А я села, собрала сямисэн и начала наигрывать русскую народную песню «Светит месяц».

- Ко-ута? – спросил Акира, внимательно прислушиваясь к мелодии.

- Что? – удивилась я, отложив сямисэн.

- Стиль игры, называется «короткая песня», - пояснил он.

«И мне, гейше, стыдно не знать об этом», - подумала я, опуская глаза.

- Ну вот, ты опять отдалилась от меня, прекрасная Аямэ, - немного грустно заметил Акира и придвинулся, взяв меня за руку.

Его пальцы были сухими и теплыми.

- А на кухне я почувствовал, как наши энергии начали взаимодействовать.

- Да? – с любопытством спросила я. – Что ты имеешь виду?

- Но ведь ты совсем недавно интересовалась тантриче-

ским сексом, - улыбнулся он и придвинулся еще ближе.

- Но ведь гейша должна постоянно учиться чему-то новому, - в тон ему ответила я.

- О! Это обязательно! – одобрил Акира. – И с удовольствием готов помочь. Итак, милая Аямэ, попробую ввести тебя в курс дела. Духовная традиция тантры - это жизненный путь, в центре которого стремление к единству тела, разума и души, и способ его достижения. В тантрической традиции эротизм и духовность неделимы.

Акира проговорил все это спокойно и размеренно. Его пальцы не отрывались от моих рук. Он чуть поглаживал мои ладони, и я начала понемногу расслабляться. Мысли текли неторопливо, я прикрыла глаза и внимательно слушала.

- И физическое слияние тел рассматривается как средство достижения высших уровней сознания, - продолжил Акира.

Он сделал паузу. Потом неожиданно предложил мне прилечь. И сам вытянулся на циновках, приняв непринужденную позу. По его жесту я поняла, что он хотел, чтобы я положила голову ему на плечо, но я чуть отстранилась и вновь напряглась. Акира улыбнулся и закинул руки за голову. При этом движении рукава кимоно сползли практически до плеч, и я отметила, что мышцы довольно сильно накачаны, словно Акира занимался бодибилдингом.

Я перевернулась на живот и оперлась подбородком о ладони, внимательно глядя на Акиру. Он улыбнулся и тихо проговорил:

- Твое беленькое личико в полумраке комнаты напоминает нежный цветок, а пальцы – тонкие листья у основания его бутона.

Я невольно улыбнулась, оценив изысканность комплимента.

- Есть люди, - продолжил Акира после паузы, состоящей из одних улыбок, - которые так и не научились любить и в физическом и в эмоциональном смысле, и есть люди, которые научились не любить. Есть также те, кто научился защищаться от любви. И ты, прости за откровенность, как раз относишься к последней категории. Мне так кажется. Ты защищаешься.

- Но почему вы так меня видите, Акира-сан? – тихо спросила я.

Привычная тоска сжала душу, и я с трудом удержала неуместные для гейши слезы.

- Загляни в свое прошлое, - продолжил он. – Все ответы только там. Любовь предполагает некоторую степень беззащитности, но не все к этому готовы. Открыто признаться в любви, возможно, одно из самых трудных в жизни решений.

«И как легко мы тогда с Петром признались друг другу в любви!» – подумала я и с ужасом почувствовала, как мои глаза начинают увлажняться.

Я усилием воли постаралась не думать о моем возлюбленном и его ужасной смерти. Но воспоминания нахлынули, и я почти не слушала Акиру. Я мысленно перенеслась в осень

1994 года, в тот день, когда после выступления нашего самостоятельного театра кабуки впервые увидела Петра. И наша любовь вспыхнула мгновенно и сильно. И разве я от нее защищалась? Я прыгнула в нее, как в пропасть, не задумываясь и даже не зажмурившись.

- Но, прежде чем полюбить кого-то, нужно научиться любить себя. Воистину, как говорит пословица, любовь начинается дома, - сказал Акира.

И я вышла из оцепенения.

- Но я люблю себя, - ответила я, незаметно смахнув слезу.

- Отчего же ты тогда сейчас плачешь, Аямэ? – тихо спросил он. – Ведь ты еще очень молода, но в твоих ясных глазах, я заметил, на самом дне всегда таится темная грусть.

«Никогда клиент не должен видеть на вашем лице даже намек на мирские заботы», – словно услышала я голос госпожи Цутиды, наставляющей меня.

И сразу попыталась принять безмятежный вид.

- Вам это только показалось, Акира-сан, - нежно проговорила я. – Мои взгляды слишком горячи, чтобы вода грусти смогла остудить их.

- Любовь к себе это умение верить себе и слышать свой внутренний голос, - продолжил он, - отдавать себе отчет в собственной ценности, прелести, уникальности.

Он замолчал. Я молчала тоже, поняв, что тантра для меня пока сложна, и просто так, наскоком, я не смогу вникнуть во все эти понятия. К тому же через несколько дней я собира-

лась уезжать. И это мешало мне начать погружаться с головой в новую философию.

Акира странным образом почувствовал мой настрой. Он медленно поднялся и помог мне встать.

- Ты можешь вызывать своего водителя, милая Аямэ, - ласково сказал он. - Мне было необыкновенно приятно провести с тобой этот вечер, но, к сожалению, завтра рано вставать.

Я глянула на него испытующе. По моим меркам я абсолютно провалила этот вечер, как гейша. Но Акира казался искренним.

- Мне бы хотелось после твоего возвращения продолжить, - добавил он. Потом засмеялся и хитро на меня посмотрел, быстро проговорив: - Если, конечно, скромницу Аямэ еще будет интересовать тантрический секс.

Спала я после посещения господина Миуры ужасно. Меня мучили кошмары. Я ясно видела лицо моего заклятого врага Степана, который в моем сне был охранником, караулившим меня и Лизу в той комнате. Он вначале избивал Лизу резиновой дубинкой, а я не могла двинуться с места, словно парализованная. Потом он приблизился ко мне, навалился и начал душить. Я извивалась, пыталась вырваться. Но Степан только смеялся и шипел мне в ухо:

- Когда же ты подохнешь, тварь? Когда же ты отправишься в ад вслед за своим дружком?

Он начал рвать на мне одежду, я закричала и... просну-

лась.

Быстро сев на постели, я вначале ничего не понимала, только ощущала беспредельный ужас. Сердце колотилось невыносимо сильно, и я задыхалась. Наконец, осознав, что я в своей квартире и это был всего лишь сон, я встала и побрела на кухню. Включив свет, налила воды, села за стол и уставилась невидяще в белую дверцу холодильника. Пальцы дрожали, я никак не могла успокоиться.

«Мать Степана, когда я позвонила ей прошлым летом, сказала, что он уехал в Токио на год, - лихорадочно думала я. – Значит, он должен вернуться примерно через месяц, если, конечно, не продлит контракт. Ужас! Я как раз приеду из отпуска».

Я залпом выпила ледяную воду. Потом налила еще и пошла со стаканом на балкон.

Дом, в который я недавно переехала, был сталинским. Я выбрала квартиру на четвертом этаже с огромной квадратной лоджией, напоминающей террасу. Лиза устроила здесь что-то типа зимнего сада. У меня имелся даже маленький водоем, сложенный из натурального камня. Посередине располагался каскадный фонтанчик. Это также была идея Лизы. И я полюбила сидеть возле воды на пластиковом диване, плотно заложенном гобеленовыми подушечками. Обилие цветущих растений - здесь стояли горшки с розами, геранью, какой-то разновидностью выюнка с очень крупными фиолетовыми колокольчиками - радовало глаз, а мелодич-

ное беспрерывное журчание воды необычайно успокаивало. Июнь в этом году был сухим и жарким, ночи баюкали мягким ласковым теплом, и я частенько засиживалась здесь допоздна.

Я уселась на диван и включила фонтанчик. Лиза придумала для него красивую разноцветную подсветку. Я смотрела на переливающиеся струйки и пила воду маленькими глотками. Цветы пахли тонко и сладко. На улице было достаточно тихо. Моя квартира располагалась недалеко от метро «Аэропорт», и этот район оказался спокойным, и для Москвы, в принципе, малолюдным. Потом я уже сообразила, что он застроен, в основном, сталинскими домами, разделенными просторными дворами и широкими улицами. И именно это обуславливает его малолюдность. В так называемых «спальных» районах, густо заставленных высотками, плотность населения была, несомненно, намного выше.

Я постепенно расслабилась. Возвращаться в спальню не хотелось, и я улеглась прямо здесь, прикрывшись вязаным шерстяным пледом. Неожиданно вспомнила мой вечер с Акирой и невольно улыбнулась. Этот молодой мужчина был мне симпатичен и вызывал любопытство.

«Нужно обязательно встретиться с ним, когда я вернусь из отпуска», - подумала я и закрыла глаза.

Его пухлые постоянно улыбающиеся губы и живые блестящие глаза появились перед моим внутренним взором. Я вздохнула, вытянулась на спине и, наконец, расслабилась.

Проснулась я рано утром от громкого чириканья воробьев и вначале удивилась, почему я на балконе. Потом быстро села и потянулась. Фонтан все журчал, переливаясь побледневшей подсветкой. Я посмотрела на тонкие падающие струи и отчего-то рассмеялась. Настроение стало хорошим, захотелось немедленно что-то сделать, чтобы изменить жизнь к лучшему.

По натуре я была человеком действия и старалась всегда найти выход из любой, не устраивающей меня ситуации. И это зачастую мешало. Позже я четко усвоила, что иногда правильное пустить все на самотек и какое-то время плыть по течению, чем идти против него.

Отсутствие интима из-за моей проблемы в последнее время начало очень раздражать и мешать в работе. Я прекрасно знала, что в обязанности гейши секс не входит, и никто меня к этому и не принуждает. Но господин Ито был прав. Во мне постепенно исчезало ики - эротическое обаяние. А что такое гейша без ики? Просто аниматор, если можно так выразиться.

Я уже знала, что после пребывания в рабстве у меня развился вагинизм. Я посмотрела в словаре, что это «ненамеренное (бессознательное), судорожное сокращение окружающих вход во влагалище мышц, при попытке совершения полового акта». Но у меня был так называемый вторичный вагинизм - безболезненные половые акты в прошлом, но невозможность их в настоящем по каким-либо причинам. И

я посетила врача. Но узнала, что вторичный лечится намного сложнее, и тут главное, устранить чисто психологические причины. Предложенный мне гипноз или сеансы у экстрасенса не вдохновили. Посещения психолога тоже не вызвали энтузиазма. А медикаментозные средства врач сам советовал не применять. И я поняла, что с этой проблемой должна справляться только сама.

Лиза оказалась в той же ситуации, что и я, и по этим же причинам. Но ее способ жить в гармонии с этой проблемой, мне абсолютно не подходил. Я уже не могла быть госпожой.

«И все-таки в тантре что-то, несомненно, есть, - подумала я, заходя на кухню и доставая заварочный чайник. – И для начала я должна, как рекомендовал Акира, погрузиться в себя, найти внутри собственного любовника».

Выпив чаю, я села на диван и открыла наугад недавно купленную в антикварном магазине книгу «101 Дзенская история». Она была на английском языке, но я свободно владела им и легко читала тексты. Я узнала из предисловия, что эти истории содержат знания и опыт китайских и японских учителей Дзен за период более чем в пять веков. Они были переведены на английский язык и изданы в 1939 году. Первоисточником послужила книга "Собрание камней и песка", написанная в XIII веке японским учителем Дзен Мудзю, что означает "Не-житель". Мне показалось крайне интересным такое изложение многих вопросов бытия, и я приобрела том для домашней библиотеки.

Текст открылся на истории «Мое сердце пылает как огонь».

- Наедине с собой оставайся таким же, как при гостях. А при них - как наедине с собой. Следи, что говоришь, а что обещаешь, выполняй. Не позволяй благоприятному случаю пройти мимо, но всегда, прежде чем действовать, дважды подумай. Никогда не сожалей о прошлом, и смотри только в будущее, - вслух перевела я отрывок и захлопнула книгу.

«А я без конца возвращаюсь в прошлое, и этим продлеваю печаль, - подумала я. – Нужно избавиться от этого. И пора мне всерьез начинать осваивать глубокую медитацию. А то я все время скачу по верхам».

Еще из занятий с госпожой Цутидой я знала, что медитация это способ остановить поток мыслей, прервать хотя бы на время нескончаемый внутренний монолог. «Дзен» в переводе означает «погружение в молчаливое созерцание». Госпожа Цутида настойчиво рекомендовала этот способ, если видела, что ее гейши не могут сосредоточиться на работе и думают о всевозможных повседневных проблемах.

- Лицо гейши, - не уставала повторять она, - это утонченный прекрасный лик, притягивающий взгляд мужчины неземным видом, далеким от любых низменных забот. Улыбка на этом лице – это чувственная загадка, полная эротического обаяния. А весь облик гейши – это ожившее произведение искусства, не меняющееся столетиями и постоянно прекрасное.

Я четко усвоила эти каноны и часто медитировала, чтобы вызвать соответствующий настрой.

И вот сейчас я решила повторить попытку. Я помнила, что лучше всего сидеть на полу, скрестив ноги, лицом к белой стене. Этот способ назывался дзадзен, буквально «сидячий дзен». Но в моей квартире белых стен не было. Поэтому я села на кухне лицом к белому холодильнику. Опустив руки на колени ладонями вверх и максимально расслабившись, я погрузила взгляд в белоснежную поверхность и попыталась углубиться в себя, в то же время ни о чем не думая. Мне это никак не удавалось. Мысли без конца перескакивали с одного на другое. Только я пробовала гасить одну мысль, на ее месте тут же появлялась следующая и чаще всего никак с предыдущей не связанная.

«Акира довольно симпатичен, у него такой проникновенный взгляд.... Я вчера не успела заплатить за коммунальные услуги, надо бы сегодня зайти.... На лазоревом кимоно случайно прожгли сигаретным пеплом крохотную дырочку...», - проносилось в голове

Я пыталась освободиться, сосредоточившись на белизне передо мной. И на какой-то миг мне все-таки это удалось. Ощущение показалось интересным. Пустота и тишина. Я повторила, и на этот раз мне удалось задержать полное отсутствие мыслей на более длительный срок. Я ощутила странную легкость в верхней части тела. Зато нижнюю почувствовала более тяжелой. А низ живота, мне показалось, содер-

жит какой-то неподвижный ком, который неприятно давит изнутри.

Когда я встала, то ощутила легкое головокружение. Потом мысли прояснились. И мне захотелось встретиться с господином Кобаяси. Уж и не знаю, почему. Возможно, мое подсознание таким образом искало решение мучающей меня проблемы.

Я легла на диван и закрыла глаза.

«А ведь верно, - подумала я, - зачем так истязать себя? Нужно просто всегда оставаться собой. И решение проблем придет само».

На душе стало легко, я улыбнулась и открыла глаза.

«А вот с господином Кобаяси нужно встретиться непременно! Буду доверять своим внутренним ощущениям».

Из голубой тетради с изображением розовых цветов сакуры на обложке:

Соль жизни – это жизнь!

Мечты - всего лишь пыль.

С ног отряхни ее,

И снова в долгий путь.

Неизвестный японский поэт XVI в.

Когда до отъезда оставалось три дня, господин Ито пригласил меня на прием в свой загородный дом. Я с радостью

согласилась.

- Хотелось бы видеть вас в полном составе, - заметил он к моему удивлению.

После его критики в адрес моих девушек слышать это было немного странно.

- Но ведь вы..., - начала я и осеклась.

Господин Ито ждал продолжения с лукавой улыбкой. Видя, что я молчу, он сказал:

- Сакура и Идзуми красивы, изящны и воспитаны. Я позволил себе в прошлый раз сделать замечания, но лишь для того, чтобы подтолкнуть тебя к дальнейшему развитию.

- Мы много репетировали в последнее время, - ответила я и слегка покраснела.

- Вот и оценим, - засмеялся он.

Прием был организован в обычном стиле господина Ито. Он предпочитал, чтобы все чувствовали себя удобно и комфортно. Огромная гостиная на первом этаже была обставлена по-европейски. Стол для таких приемов, как всегда, накрывали шведский, но наряду с привычными блюдами, выставлялись и традиционные японские. Гости съехались в особняк к шести вечера. Мы были уже наготове - в кимоно и гриме. Образы девушек для мероприятий я всегда подбирала сама.

В Японии выбор кимоно - важное дело. И цвета, рисунки или вышивка на ткани соответствуют времени года и цели мероприятия. Но мне постоянно хотелось эксперименти-

ровать. Застывшие на века японские традиции иногда раздражали. И я частенько руководствовалась собственным настроением и восприятием. Вот и сейчас мне казалось, что получилось очень удачно. Невысокая хрупкая черноволосая Идзуми была одета в кимоно красного цвета с тонким узором из мелких переплетающихся зеленых листочков. Голубоглазая, обладающая более пышными формами Сакура - в белое, с нежно-розовыми цветами вишни, а я была в синем кимоно, расписанном яркими летящими бабочками. Наше появление вызвало, как всегда, всеобщее удовольствие. Нас даже стали приветствовать аплодисментами.

Я увидела среди присутствующих господина Кобаяси и решила, что сегодня же поговорю с ним. Он, когда мы появились, задержал на моем лице внимательный взгляд, но затем отвернулся и начал беседовать с одним из гостей. Но через какое-то время господин Кобаяси сам подошел ко мне.

- Ты как всегда восхитительно выглядишь, Аямэ, - тихо сказал он.

- Спасибо, - также тихо ответила я и опустила густо подкрашенные ресницы, прикрыв улыбку веером.

- Я слышал, ты уезжаешь, - продолжил он.

- Да, но ненадолго, - ответила я, и увидев, что его бокал практически пуст, подошла к столу и взяла керамический кувшинчик с абрикосовым вином.

Именно его пил господин Кобаяси. Он спокойно наблюдал за мной. Но его глаза блеснули. Я подлила ему вина.

- Аригато, - неожиданно по-японски поблагодарил он.
- На здоровье, Кобаяси-сан, - с улыбкой ответила я.
- Ты останешься до конца? – спросил он, отходя к окну.

Я последовала за ним. Господин Кобаяси повернулся лицом к стеклу и замер, созерцая густую листву сирени с темными точками влаги от только что начавшегося дождя. Ветер шевелил ее, дождь становился все сильнее, и скоро она блестела в падающем на нее из окон свете, целиком покрывая водой.

- Погода испортилась, - сказала я, вставая рядом с ним.
- Да, возвращаться ночью в такой дождь неразумно, - заметил он.

Потом обернулся в зал и чуть прищурился, но через секунду вновь начал смотреть в окно.

- Странно устроен наш мир, не находишь? – неожиданно спросил он.

И не дождавшись ответа, продолжил:

- Тонкое стекло отделяет яркий свет, шум, музыку, голоса, красочные одежды и ароматы духов от полумрака, шороха дождя, влажных запахов травы и цветов и... одиночества.

Я с легким удивлением посмотрела на его четкий профиль. Господин Кобаяси отпил вино, потом развернулся ко мне и весело улыбнулся.

- Я задержусь до завтра, - сказала я и тоже улыбнулась.
- Вот и отлично, Аямэ. Я тоже планирую уехать только завтра.

Часть гостей не побоялась непогоды и покинула прием поздно ночью. Сакура и Идзуми тоже упростили меня отпустить их. Тем более нашлось много желающих подвезти престелных и загадочных гейш. Но в интересах бизнеса было неразумно показываться гостям вне образа, поэтому они поехали на нашей служебной машине. А я осталась. Господин Ито отвел мне знакомую комнату, в которой я обычно жила, когда приезжала сюда.

Ночью меня разбудил тихий стук в дверь. Я приподняла голову и сонно спросила:

- Кто там?

Когда увидела округлый невысокий силуэт в проеме раскрывшейся двери, то машинально натянула простыню до подбородка.

- Разреши хотя бы просто полежать с тобой, Таня, - прошептал господин Ито, забираясь ко мне в постель.

Я молча вздохнула и пододвинулась.

- Но если тебе неприятно, то я уйду, - сказал он, устраиваясь на самом краю.

Я замерла, пытаюсь понять, что чувствую. Но все внутри меня спало, тело было расслабленным, мысли затуманенными. К тому же господин Ито всегда вызывал во мне исключительно положительные эмоции. Он молча ждал, что я отвечу. Но я только придвинулась к нему и прижалась головой к полному мягкому плечу, закрыв глаза. Он не шевелился, и я через какое-то время задремала.

Очнулась от ощущения чего-то твердого, упирающегося в обнаженное бедро. Я вздрогнула и открыла глаза. Господин Ито лежал на боку, плотно придвинувшись ко мне, одна его рука покоилась на моей талии, а живот прижимался к бедру. Я ощутила, как его вставший нефритовый стебель давит на мою кожу. Скосив глаза, я увидела, что господин Ито не спит и напряженно на меня смотрит.

«Бедный возбужденный колобок, - подумала я и невольно улыбнулась. – Тяжко же ему приходится. Но ведь терпит!»

- Таня, - тихо и просительно сказал он и шумно вздохнул.

- Простите, - прошептала я и встала.

- Нет, нет, дорогая, - испугался он. – Не нужно уходить. Лучше уйду я.

И он сполз с кровати, поцеловал меня в лоб и покинул комнату.

Утром я проснулась рано и чувствовала себя прекрасно. И это, видимо, отражалось на моем лице. За завтраком, к которому я вышла в своем обычном облике, господин Ито периодически задерживал на мне взгляд с плохо скрываемым восхищением. Кроме нас за столом присутствовал только господин Кобаяси. Остальные гости все еще спали.

После ненастной дождливой ночи небо очистилось и сияло яркое солнце. Завтрак накрыли в столовой. Я сидела лицом к огромному окну и невольно любовалась хорошо промытым, ослепительным в своих ярких чистых красках июньским утром.

- Таня сегодня просто вся светится, - заметил господин Кобаяси, когда нам принесли чай.

- О да! – радостно подхватил господин Ито. – Она напоминает отражение солнца в спокойной воде озера Окутама.

Я опустила ресницы и улыбнулась одними уголками губ.

- Какие у вас на сегодня планы, друзья мои? – спросил после очень продолжительной паузы господин Ито.

- Я хотел бы просто погулять по окрестностям. Погода изумительная, - ответил господин Кобаяси и посмотрел на меня.

- Мне все равно, - ответила я. – Любое ваше предложение приму с радостью.

- Я планировал с оставшимися гостями совершить прогулку на катере по водохранилищу, - задумчиво произнес господин Ито. - Не желаете ли присоединиться?

Но господин Кобаяси отрицательно покачал головой. Яглянула на него и ничего не ответила.

После обеда гости во главе с господином Ито отправились на водохранилище. В последний момент я решила остаться. Не хотелось находиться в шумной компании. Господин Ито планировал высадку в подходящем месте.

- Поедем, Таня, - просящим тоном сказал он, когда зашел перед отъездом в мою комнату. – Я решил угостить вас шашлыками из осетрины и кальмаров. Это очень вкусно, тебе понравится. И потом тебе полезно поплавать и позагорать.

- Извините, Ито-сан, мне хочется просто отдохнуть, - от-

ветила я.

А сама думала только о господине Кобаяси, вновь и вновь вспоминая сеанс кинбаку, четкие быстрые движения мастера, шершавое прикосновение веревки к обнаженному телу, легкое сдавливание, словно многочисленные пальцы обхватывали меня и сжимали в длительной непрекращающейся ласке.

Когда гости во главе с господином Ито уехали, я вздохнула с облегчением и приняла душ. Белье решила не надевать и накинула на еще влажное тело синее шелковое платье-балахон, расписанное алыми, желтыми, белыми абстрактными узорами.

Я спустилась в сад. Послеполуденное солнце ослепительным золотым светом заливало сочную зелень деревьев, пестрые цветочные клумбы, аккуратные газоны с ярко-зеленой, постоянно выравниваемой садовником короткой травой. Я сбросила деревянные сабо на высокой танкетке и пошла бо-сиком.

За особняком в глубине сада, я знала, находился застекленный павильон, и я направилась туда. Увидев прозрачную стену, густо увитую резными листьями дикого винограда, я пошла вдоль нее до входа. Оказавшись возле полукруглой арки, за которую цеплялись выющиеся розы, заглянула внутрь. Лучи света, падающие через застекленный потолок и заполняющие павильон, казались мягкими и золотисто-туманными полосами. Там, где они проходили через плети ви-

нограда, их словно рассекали беспрерывно движущиеся тени, которые ложились на деревянный пол узорчатыми пятнами.

Посередине находился длинный деревянный стол, почти полностью заваленный различными цветами. Господин Ито любил украшать свои приемы композициями икебана. Но цветов на них уходило, обычно, немного. Кроме этого он всегда дарил при отъезде гостям маленькие изящные букеты.

Возле стола стоял господин Кобаяси в коротком хлопчатобумажном кимоно кофейного цвета и внимательно изучал ветку полностью распустившейся тигровой лилии. Когда я появилась в проеме арки, он замер с широко раскрытыми глазами.

- Забри, дорогая, - быстро произнес он.

И замер сам, так и не опустив руку, с зажатой в ней лилией.

Я остановилась и с улыбкой смотрела на него. Мои распущенные волосы шевелил ветерок, и, так как солнце освещало меня сзади, я видела свою тень на полу и ореол колышущихся волос.

- Никогда не видел более совершенной картины, - тихо сказал господин Кобаяси. - Прекрасная девушка, воплощение самой юности, замершая в проеме солнечного света, очерченном аркой из зеленых листьев и выглядывающих из них, еще нераспустившихся бутончиков роз.

Он положил лилию на стол и зачем-то поднял голову к

потолку. Я невольно проследила за его взглядом, и тут только заметила, что за толстую потолочную балку закинута скрученная жгутом веревка. К их концам была прикреплена большая плоская ваза, из которой свешивались пышные соцветия розовой герани.

- Уехали все гости? – спросил господин Кобаяси странным тоном.

Мое сердце забилося быстрее.

- Да, - ответила я, подходя к столу.

Я взяла крупную темно-бордовую розу, невольно укололась об острые шипы и вскрикнула, но розу не выпустила.

- Больно? – спросил господин Кобаяси, подходя ко мне.

Я промолчала, опустив ресницы. Он осторожно взял розу из моих пальцев, вернул ее на стол и слизнул капельку крови, выступившую на подушечке моего мизинца. Прикосновение его влажного языка заставило меня вздрогнуть. Господин Кобаяси заглянул мне в глаза и задержал взгляд, не выпуская моей дрожащей руки.

- Ты наблюдала когда-нибудь, как стрекоза раскачивается на колеблемой ветром травинке, пытаясь удержаться? – неожиданно спросил он.

Я задумалась и улыбнулась. Конечно, особенно в детстве в деревне, я наблюдала такую картину не раз.

- Хотела бы почувствовать, что чувствует в этот момент стрекоза? – продолжил он.

- А она разве этим наделена? – засомневалась я.

- Все живое наделено, - спокойно ответил господин Кобаяси. – Чувствует даже эта роза, о которую ты сейчас укололась. Или это роза уколола тебя? – задумчиво спросил он.

Я отодвинула цветы и села на стол, свесив ноги и побалтывая ими. Потом опустила взгляд, чтобы скрыть волнение, неожиданно охватившее меня.

- Знаешь, мне иногда приходит на ум сравнение кинбаку с икебана, - тихо

проговорил господин Кобаяси.

И я подняла голову, прямо посмотрев ему в лицо.

- На это сравнение, - продолжил он, - меня наталкивает сам процесс создания

обвязки. Руки и ноги, словно лишние стебли и листья, «заламываются», заводятся, создавая определенную линию. И тем самым тело модели, словно цветочная композиция, приобретает нужную форму. При помощи различной степени натяжения, узлов, расположенных в нужных местах, прорабатываются детали композиции, делая ее законченной и совершенной.

- Наверное, интересно почувствовать себя прекрасной композицией, включающей в себя несколько разных цветов, - тихо заметила я.

- А мне интересно создать ее, - в тон мне проговорил господин Кобаяси и, легко подхватив меня за талию, снял со стола. – В японской культуре группа всегда более ценна, чем индивидуумы, ее составляющие, - серьезно сказал он.

- Я знаю, - ответила я и ясно ему улыбнулась. – Вы хотите сказать, что мы с вами – группа?

- Именно, - ответил он и, к моему удивлению, вспрыгнул на стол. – И не важно, что нас всего двое. Рост взаимного уважения партнеров, согласно дзен, и составляет ценность, превращающую группу в нечто большее, чем все ее члены по отдельности, - продолжил он.

Я увидела, как господин Кобаяси пошел по столу, осторожно переступая цветы, и остановился возле свисающей вазы с розовой геранью. Он медленно раскачал ее, внимательно наблюдая за амплитудой. Потом снял и поставил на стол. Герань при этом запахла настолько сильно, что даже до меня донесся ее острый специфический аромат.

- А ты сомневаешься, что они чувствуют, - заметил господин Кобаяси. – Ведь я не коснулся цветов руками. Но они усилили свой запах во много раз.

- Да, я тоже обратила на это внимание, - сказала я и подошла к вазе.

- Сейчас я сниму ее на пол, - быстро проговорил он. – Посмотри, какое отличное кольцо!

Я подняла голову. Господин Кобаяси держался руками за довольно толстое металлическое кольцо, окрашенное в темно-зеленый цвет, которое находилось на веревках, подвешенных к потолочной балке. Именно оно и держало раньше вазу. Он вдруг лег животом на это кольцо и начал медленно раскачиваться, чему-то улыбаясь.

- Стрекоза примерно чувствует то же самое, - пробормотал он и рассмеялся.

Его вид в кимоно с развевающимися краями был забавным, и я тоже начала смеяться. Господин Кобаяси спустился со стола, снял вазу и отнес ее в угол. Я с удивлением наблюдала, как он легко справился с этим. Ваза была большой и, судя по виду, тяжелой. Он подошел ко мне и встал напротив. Я подняла взгляд.

- Цветок особенно красив в пустом пространстве, - медленно проговорил господин Кобаяси. – Подвешивание – важная часть кинбаку, потому что позволяет поместить модель в пустое пространство, подобно цветку. И этим открыть новые грани ее красоты. Ты хотела бы? – тихо спросил он.

«А почему бы и не попробовать?» – подумала я.

И молча кивнула.

Господин Кобаяси улыбнулся и пошел в угол павильона. Там стояли шкафчики с различными садовыми инструментами, лейками и прочим. Я увидела, что он несет моток обычной пеньковой веревки.

- Отлично, - пробормотал он, поглаживая ее пальцами. – Натуральная и шершавая. Ты разденешься?

Я молча скинула платье и осталась обнаженной.

- О! – воскликнул он, и его глаза загорелись. – Ты стала еще прекраснее! Короткий совет, - добавил он и медленно обошел вокруг меня, не спуская глаз, - воспользуйся одним из правил йоги: в любых положениях шея и лицо должны

оставаться полностью расслабленными, чтобы ум не участвовал в работе тела, а наблюдал за ним со стороны.

- Хорошо, я постараюсь, - тихо сказала я и добавила после небольшой паузы: - мастер.

Даже оставаясь обнаженной, я чувствовала себя в этом пространстве, залитом мягким светом и заполненном цветами, естественно и комфортно. Я доверяла мастеру и стремилась к новым ощущениям. Моя психика искала методы вернуть мое гармоничное эмоциональное состояние. Он взял пояс от своего кимоно и провел им по моим плечам. Я замерла под этой ненавязчивой лаской. И приготовилась к дальнейшему. Но мастер запрыгнул на стол и протянул мне руку. Я последовала за ним.

Остановившись возле кольца, огляделась. Оказавшись на более высоком уровне, я заметила, что все вокруг выглядит несколько иначе. Мой взгляд скользнул по поверхности стола, усыпанной цветами, которые теперь оказались у меня под ногами, по проему арки, который стал ниже и как будто меньше, по прозрачному потолку, приблизившемуся и словно опустившему ниже голубое безоблачное небо. Потом я посмотрела на мастера, стоявшего рядом, и поняла, что он остался неизменным. И это как-то сблизило с ним, словно в изменившемся мире я встретила что-то привычное и от этого родное. Я сделала шаг к нему, и он нежно обхватил меня за талию. Мои мгновенно вставшие соски уперлись в хлопковую ткань кимоно, я почувствовала, как его пальцы

скользят вниз по моему ждущему телу, и вместе с их теплом скользит шершавая поверхность веревки.

- Я не буду связывать твои руки, - прошептал мастер, обхватывая веревкой мою талию. – Пусть они свисают свободно, словно длинные листья.

Закончив обвязку, мастер отошел на шаг назад и окинул меня горящим взглядом. Я стояла спокойно, с наслаждением ощущая мягкие обхваты веревки, казавшейся сейчас теплой. Мастер смотрел на меня, находясь чуть в отдалении, а мне казалось, что веревка на моем теле – его материализовавшаяся ласка, которая длится и длится. Я с трудом сдерживала шумное дыхание. Мастер подошел к колесу и перевязал его, создав внутри звезду. Потом легко подхватил меня и положил спиной на эту звезду.

- Я не хочу подвешивать тебя в традиционном стиле, - прошептал он, - так как ты не готова. Но и так тоже хорошо.

Я лежала спиной на веревочной звезде, голова запрокинулась за край кольца, распущенные волосы свободно свисали. Я почувствовала, как он поднимает мою левую ногу и привязывает ее за щиколотку к одной из веревок, на которых висело кольцо. Правую ногу он опустил вниз, оставив ее свободной.

Когда я решила на этот сеанс, то очень боялась именно момента связывания. После пребывания в рабстве малейшее ограничение свободы вызывало мгновенный шок и отторжение. Но пока все шло превосходно. Мастер непостижимым

образом чувствовал тончайшие нюансы моего настроения и следовал им. Никакого давления, никакого навязывания своей воли не было с его стороны. Мне казалось, что чьи-то руки просто исполняют мои невысказанные и порою даже неосознанные желания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.